

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И
ИННОВАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ТЕРМЕЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОТДЕЛЕНИЕ МАГИСТРАТУРЫ

На правах рукописи:

УДК: 811.161.1: 91.373 (351.765.2)

ХАЙРУЛЛАЕВА ФЕРУЗА ИСМАТУЛЛАЕВНА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ДИКНЕ ЖИВОТНЫЕ» В
РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание академической степени магистра по специальности:
70230101 – Лингвистика (русский язык)

Научный руководитель

к.ф.н., проф. Латипов О.Ж.

ТЕРМЕЗ 2023

Тема магистерской диссертации утверждена приказом ректора Термезского государственного университета № 20 ТМ от 4 апреля 2022 года.

Диссертация выполнена на кафедре русского языкознания Термезского государственного университета.

Электронный вариант магистерской диссертации размещен на веб-сайте Термезского государственного университета.

QR-код адреса диссертации:

С данной магистерской диссертацией можно ознакомиться в центре Термезского государственного университета (зарегистрирован под № ____ Адрес: город Термез, ул. Баркамол Авлод, д.43).

Научный руководитель

доц. О.Ж. Латипов

Заведующий кафедрой

к.ф.н., доц. Н.Панжиев

Начальник отделения магистратуры

PhD. А.Б.Нарбаев

АННОТАЦИЯ

к магистерской диссертации выпускницы магистратуры по специальности 70230101 – Лингвистика (русский язык) Хайруллаевой Ферузы Исматуллаевны на тему «Семантическая структура тематического поля «дикие животные» в русском языке»

Вводные слова: семантика, лексика, тематические поля, семантическая структура, классификация диких животных, лексико-тематические группы, дикие животные

Объектом нашего исследования являются единицы тематического поля «дикие животные» в русском языке.

Предмет исследования составляет семантическая структура тематического поля «дикие животные» в русском языке.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что лексические единицы тематического поля «дикие животные» в результате процесса концептуальной деривации выступают средством вторичной концептуализации и категоризации, развивая вторичные, интерпретирующие смыслы; они не только отражают обыденную и научную картины мира, но и являются средством интерпретации объектов и явлений других концептуально-тематических областей на основе выделения общих признаков между объектами интерпретирующей и интерпретируемой областей.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении признаков, формирующих интерпретирующий потенциал семантической структуры тематического поля «дикие животные» в русском языке и изучении его особенностей.

Методы исследования: описательно-аналитический метод, включающий в себя методики лексико-семантического и словообразовательного анализа слов, а также их контекстуального комментария.

Гипотеза исследования состоит в том, что «мира животных» представляет собой систему лексических средств, семантика, внутренняя

форма и контекстуальное окружение которых репрезентируют типологические свойства языковой картины мира: антропоцентричность, парцеллированность, прагматичность, традиционность и экспрессивность.

Научная новизна исследования заключается в выявлении и систематизации признаков интерпретирующих форматов знания, заложенных в концептуальном основании тематического поля «дикие животные» как одной из базовых категорий, объективирующих онтологию мира. Новым также является описание концептуально-тематических областей, объекты которых получают интерпретирующую концептуализацию в результате реализации межконцептуальных проекций, устанавливаемых при активизации знания о представителях животного мира, в частности о диких животных. В работе выделяются когнитивные и языковые механизмы, обеспечивающие реализацию семантической структуры тематического поля «дикие животные», а также проводится исследование лексических единиц категории «дикие животные» на материале русского языка.

Практическая значимость магистерской диссертации заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке лекций по лексикологии, стилистике, когнитивной лингвистике, при подготовке курсов по теории и практике перевода, при обучении практическому владению русским языком. Результаты проведенного исследования могут также быть использованы при подготовке бакалаврских, магистерских, диссертационных работ и в исследовательской практике в целом.

Теоретическая значимость магистерской диссертации состоит в том, что исследование процесса формирования семантической структуры тематического поля «дикие животные», когнитивных и языковых механизмов, участвующих в формировании интерпретирующих значений, а также интерпретирующих форматов знаний как типов признаков, вносит вклад в дальнейшее развитие теории лингвистической интерпретации тематического поля «дикие животные», а также теории интерпретирующего

потенциала лексических категорий. Исследование семантической структуре тематического поля «дикие животные» и принципов ее организации с позиции когнитивно-дискурсивного подхода способствует дальнейшему развитию теории концептуализации и категоризации в языке.

Область применения: Высшие учебные заведения и средние и специализированные школы Республики Узбекистан.

ANNOTATION

to the master's thesis of a graduate of the magistracy in the specialty 70230101 - Linguistics (Russian language) Khairullaeva Feruza Ismatullaevna on the topic "The semantic structure of the thematic field "wild animals" in the Russian language"

Introductory words: semantics, vocabulary, thematic fields, semantic structure, classification of wild animals, lexico-thematic groups, wild animals

The object of our study is the units of the thematic field "wild animals" in the Russian language.

The subject of the study is the semantic structure of the thematic field "wild animals" in the Russian language.

The hypothesis of the study is the assumption that the lexical units of the thematic field "wild animals" as a result of the process of conceptual derivation act as a means of secondary conceptualization and categorization, developing secondary, interpretive meanings; they not only reflect the everyday and scientific picture of the world, but are also a means of interpreting objects and phenomena of other conceptual and thematic areas based on the identification of common features between the objects of the interpreting and interpreted areas.

The purpose of this study is to identify the features that form the interpretive potential of the semantic structure of the thematic field "wild animals" in the Russian language and to study its features.

Research methods: descriptive-analytical method, which includes methods of lexico-semantic and word-formation analysis of words, as well as their contextual commentary.

The hypothesis of the study is that the "animal world" is a system of lexical means, the semantics, the internal form and the contextual environment of which represent the typological properties of the language picture of the world: anthropocentricity, parcelling, pragmatism, traditionality and expressiveness.

The scientific novelty of the study lies in identifying and systematizing the signs of interpretive knowledge formats, which are embedded in the conceptual

basis of the thematic field "wild animals" as one of the basic categories that objectively describe the world. What is also new is the description of conceptual and thematic areas, the objects of which receive interpretive conceptualization as a result of the implementation of interconceptual projections, established when knowledge about representatives of the animal world, in particular about wild animals, is activated. The paper highlights the cognitive and linguistic mechanisms that ensure the implementation of the semantic structure of the thematic field "wild animals", as well as the study of lexical units of the category "wild animals" on the material of the Russian language.

The practical significance of the master's thesis lies in the fact that the results obtained can be used in the development of lectures on lexicology, stylistics, cognitive linguistics, in the preparation of courses on the theory and practice of translation, in teaching practical knowledge of the Russian language. The results of the study can also be used in the preparation of bachelor's, master's dissertations and in research practice in general.

The theoretical significance of the master's thesis lies in the fact that the study of the process of formation of the semantic structure of the thematic field "wild animals", cognitive and linguistic mechanisms involved in the formation of interpretive meanings, as well as interpretive knowledge (domain as types of features, contributes to the further development of the theory of linguistic interpretation of the thematic field "wild animals", as well as the theory of the interpretive potential of lexical categories. The study of the semantic structure of the thematic field "wild animals" and the principles of its organization from the standpoint of the cognitive-discursive approach contributes to the further development of the theory of conceptualization and conceptualization in the language.

Scope: Higher educational institutions and secondary and specialized schools of the Republic of Uzbekistan.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и обоснование настоящего магистерского исследования обусловлено тем, что оно опирается на теоретические положения когнитивной парадигмы знания. Решение поставленной научной проблемы – изучение семантической структуры тематического поля «дикие животные» в русском языке – может осуществляться в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, позволяющего рассмотреть специфику интерпретирующей деятельности человеческого сознания с позиций взаимодействия ментальных и языковых структур. Окружающая природа всегда была в центре внимания человека с древнейших времен, поэтому лексико-тематические группы: названий предметов и явлений окружающего мира, названия животных начали формироваться вместе с появлением человека и в дальнейшем служили основой для формирования терминологической номенклатуры этих групп. Лексика живой природы: названия растений, диких и домашних животных -всегда занимала значительное место среди анализируемых тематических групп.

Магистерская диссертация посвящена изучению семантической структуры тематического поля «дикие животные» в русском языке. На современном этапе развития лингвистической науки важным представляется выявление механизмов категоризации и концептуализации, а также изучение индивидуальной концептуализации мира человеком и передачи полученных знаний посредством определенных языковых форм, что в свою очередь является результатом интерпретирующей функции языкового сознания. На сегодняшний день для лингвистических исследований актуальным является положение о том, что интерпретация онтологически связана с когницией, которая в свою очередь является сутью мыслительной операции, цель которой представляет собой получение нового знания, где особая роль отводится языку (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев). В связи с этим исследование семантической структуры тематического поля «дикие животные» в

русском языке невозможно без обращения внимания на динамический характер концептуальной системы человека, а также на процессы оперирования знанием, которые обеспечивают формирование интерпретирующих смыслов. Человек в процессе своей жизнедеятельности находится в тесной взаимосвязи с объектами и явлениями окружающей его действительности. Представители животного мира обнаруживают наиболее близкое взаимодействие, поскольку человек не только наблюдает за животными в дикой природе, но и имеет непосредственное общение с ними в хозяйственной жизни и во время досуга. Поэтому лексические единицы, обозначающие представителей животного мира в языке, обладают широкой репрезентативностью в плане формирования переносных значений при актуализации соответствующего знания в процессе интерпретирующей деятельности человека.

Объектом нашего исследования являются единицы тематического поля «дикие животные» в русском языке.

Предмет исследования составляет семантическая структура тематического поля «дикие животные» в русском языке.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении признаков, формирующих интерпретирующий потенциал семантической структуры тематического поля «дикие животные» в русском языке и изучении его особенностей.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

1. Изучить и обобщить основные положения современных лингвистических теорий, включая теории концептуализации и категоризации, лингвистическую теорию о семантической структуре тематического поля «дикие животные»;
2. Выявить принципы организации лексической категории «дикие животные» в языке;

3. Выявить лексические единицы исследуемой категории, развивающие переносные значения в языке;

4. Представить типологию признаков, выступающих в качестве основного потенциала тематического поля «дикие животные» и являющихся основанием для формирования интерпретирующих смыслов в языке;

5. Выявить и описать семантической структуре тематического поля «дикие животные» в русском языке;

6. Определить концептуально-тематические области, в рамках которых реализуется семантическая структура тематического поля «дикие животные»

Научная новизна исследования заключается в выявлении и систематизации признаков интерпретирующих форматов знания, заложенных в концептуальном основании тематического поля «дикие животные» как одной из базовых категорий, объективирующих онтологию мира. Новым также является описание концептуально-тематических областей, объекты которых получают интерпретирующую концептуализацию в результате реализации межконцептуальных проекций, устанавливаемых при активизации знания о представителях животного мира, в частности о диких животных. В работе выделяются когнитивные и языковые механизмы, обеспечивающие реализацию семантической структуры тематического поля «дикие животные», а также проводится исследование лексических единиц категории «дикие животные» на материале русского языка.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что лексические единицы тематического поля «дикие животные» в результате процесса концептуальной деривации выступают средством вторичной концептуализации и категоризации, развивая вторичные, интерпретирующие смыслы; они не только отражают обыденную и научную картины мира, но и являются средством интерпретации объектов и

явлений других концептуально-тематических областей на основе выделения общих признаков между объектами интерпретирующей и интерпретируемой областей. Гипотеза исследования состоит в том, что «мира животных» представляет собой систему лексических средств, семантика, внутренняя форма и контекстуальное окружение которых репрезентируют типологические свойства языковой картины мира: антропоцентричность, парцеллированность, прагматичность, традиционность и экспрессивность.

Обзор литературы по теме исследования послужили основные положения, разрабатываемые российскими и зарубежными учеными в области лексикологии, когнитивной лингвистики, касающиеся проблем концептуализации и категоризации в языке (Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, А. Вежбицкая, Л. Барсалоу, Э. Рош, Ф. Варела, Э. Томпсон, Б., П. Кэй, Р. Браун, Р.Лэнекер и др.), теории интерпретации (Н.Н. Болдырев, Е.Г. Беляевская, А.Л. Шарандин, В.З. Демьянков и др.), теории интерпретирующего потенциала лексических категорий (Л.А. Панасенко), а также положения психологического подхода к анализу языка (Г. Штейнталь, А.А. Потебня, А.Р. Лурия, Л. Барсалоу и др).

Описание методики, применяемой в исследовании. Методы использованные в исследовании: описательно-аналитический метод, включающий в себя методики лексико-семантического и словообразовательного анализа слов, а также их контекстуального комментария.

Теоретическая значимость магистерской диссертации состоит в том, что исследование процесса формирования семантической структуры тематического поля «дикие животные», когнитивных и языковых механизмов, участвующих в формировании интерпретирующих значений, а также интерпретирующих форматов знаний как типов признаков, вносит вклад в дальнейшее развитие теории лингвистической интерпретации тематического поля «дикие животные», а также теории

интерпретирующего потенциала лексических категорий. Исследование семантической структуре тематического поля «дикие животные» и принципов ее организации с позиции когнитивно-дискурсивного подхода способствует дальнейшему развитию теории концептуализации и категоризации в языке.

Практическая значимость магистерской диссертации заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке лекций по лексикологии, стилистике, когнитивной лингвистике, при подготовке курсов по теории и практике перевода, при обучении практическому владению русским языком. Результаты проведенного исследования могут также быть использованы при подготовке бакалаврских, магистерских, диссертационных работ и в исследовательской практике в целом.

Структура диссертации. Настоящее диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной научной литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ОБЛАСТИ «ЖИВОТНЫЙ МИР»

§ 1.1. Исследование лексической системы языка в рамках традиционной лингвистики

Проблемы языка, его структуры и законов привлекали исследователей еще с давнего времени. Язык является неотъемлемой частью человеческого существования, его жизнедеятельности и взаимодействия, как с самим собой, так и с другими людьми и окружающим его миром. Как писал В. фон Гумбольдт, язык – это своего рода «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», это средство, которое заложено в природе человека и необходимое для формирования его мировоззрения [Гумбольдт 1984: 304]. Мир вокруг нас представляет собой сеть отношений, в центре которых человек и его взаимодействие с миром (с семьей, государством, миром идей и т.д.), и основная роль в этом взаимодействии принадлежит языковому общению.

Язык неразрывно связан с познанием и познавательной деятельностью человека. Являясь частью познания, человек посредством языка исследует свой внутренний мир, а также мир окружающей его действительности. Язык представляет собой систему знаков. Системность языка подчеркивал Ф. де Соссюр, давая следующее определение языку: «...язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное — это система знаков...» [Соссюр 1999: 21].

На системную организацию языка также обращал внимание Л.В. Щерба, давая такое определение: «Слова каждого языка образуют систему, и изменения их значений вполне понятны только внутри такой системы» [цит. по Серебренников 1970: 152]. Поэтому изучение элементов языка необходимо проводить, исходя из системного характера его организации.

Системность и знаковость языка также подчеркивали представители копенгагенской школы, которые являлись последователями Ф. де Соссюра. Л. Ельмслев дает следующее определение языка: «Язык — это иерархия, каждая часть которой допускает дальнейшее членение на классы, определяемые посредством взаимных отношений, так что каждый из этих классов поддается членению на производные, определяемые посредством взаимной мутации». Таким образом, любая структура, которая удовлетворяет этому определению, есть язык. Язык – это лишь частный случай такого рода структуры [цит. по Звегинцев 1964:38].

Л. Ельмслев полагал, что «знак» есть носитель значения. Все слова при этом строятся из незнаком, т.е. фонем или слогов. Такие незнакомы, входящие в знаковую систему, Л. Ельмслев называл фигурами [Ельмслев 1960]. Системный характер языка предполагает структурную организацию его составляющих. Элементы лексической системы языка находятся в определенных связях и отношениях. Таким образом, в системе языка можно выделить различные типы группировок на основе понятийной, тематической и ассоциативной общности. Обычно выделяют такие модели лексической подсистемы как лексико-семантические поля и группы, синонимические ряды, а также лексико-фразеологические поля, тематические группы, ассоциативные группировки.

Определение «семантического поля» было введено в лингвистическую науку Г. Ипсеном. Под семантическим полем, он понимал совокупность слов, обладающих общим значением [Ipsen 1924].

К исследованию семантических полей впервые обращался в своих работах Й. Трир. Семантическое поле он именовал как понятийное и понимал под ним структуру определенной сферы и круг понятий. По мнению Й. Трира, понятийному полю соответствует лексическое поле, состоящее из совокупности отдельных слов. Другими словами, лексическое поле вычленяется из словарного состава в процессе соотнесения его с каким-либо понятийным полем [цит. по. Schwyter 1996:

30-31]. Основой выделения семантического поля Й. Трира является логический подход. Он настаивает на жесткой детерминации между понятием и лексемой, на однозначной корреляции между системой понятий (логических компонентов) и полевыми структурами в языке [Башарина 2007: 94].

Ю.Д. Апресян понимает под семантическими полями незамкнутые и многократно пересекающиеся семантические группировки, «любые две из которых связаны, как и отражаемый ими мир вещей, процессов и идей, непрерывной цепью посредствующих семантических звеньев, независимо от того, насколько далеко друг от друга отстоят в семантическом пространстве языка эти группировки» [Апресян 1995а: 254-255].

В.Б. Гольдберг, анализируя различные типы лексических группировок, подразделяет модели подсистемы на симметричные и асимметричные. К ассиметричным моделям она относит иерархически организованные модели и модели, имеющие ориентацию относительно центрального элемента или элементов, т.е. полевые модели (например, родовидовая или таксономическая классификация). Модели, не ориентированные относительно центрального элемента, В.Б. Гольдберг называет симметричными [Гольдберг 2000: 65].

Что касается симметричных моделей, то Д. Круз в своих работах выделял такие модели, как цепь (прямая линейная последовательность: beginning – middle-end), цикл (цветообозначения), спираль (линейность совмещена с цикличностью: времена года, периоды суток), ранг (воинские звания), шкала, пропорциональные серии [Cruse 1986: 187-195].

Лексико-семантическое поле (ЛСП) представляет собой совокупность большого числа слов одной или нескольких частей речи, объединяемых общим понятием (семой). Именем поля, как правило, является словосочетание, называющее понятие и объединяющее слова в поле («виды транспорта» – машина, троллейбус, велосипед и т.д.). Под лексикосемантическим полем Ю.Н. Караулов понимает «группу слов

одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу» [Караулов 1972: 57]. Т.Н. Куренкова отмечает следующие важнейшие свойства ЛСП: взаимосвязанность элементов, их упорядоченность и иерархичность, а также ряд свойств, которые выделяют ЛСП среди других лингвистических систем: отсутствие четких границ, континуальность, незамкнутость, взаимодействие, взаимодействие с другими полями, аттракция, наличие лакун, асимметричность построения, автономность, самостоятельность в лексикосемантической системе, специфичность в разных языках [Куренкова 2006: 176]. В ЛСП отдельные значения слов вступают в связи друг с другом. Значение слова представляет собой множество дифференциальных компонентов значения, которые рассматриваются как компоненты множества. Между двумя множествами могут существовать оппозиции. Ю.Н. Караулов выделяет следующие типы оппозиций:

1. Нулевая оппозиция (равенство между множествами). К данному типу оппозиций относятся синонимы и синонимические выражения: лоб-чело.

2. Привативная оппозиция. В данном типе оппозиции находятся родовые и видовые понятия: автомобиль - транспортное средство.

3. Эквиполентная оппозиция. Данный вид отношений возможен между словами как одной части речи, так и между значениями полисемантического слова. Эквиполентная оппозиция строится на пересечении одинаковых компонентов у сравниваемых значений слов. При этом помимо одинаковых элементов у сравниваемых слов есть неодинаковые. Например: ум-умный; мысль-думать.

4. Дизъюнктивная оппозиция. Данную оппозицию формируют слова, значения которых не имеют общих компонентов: косить (траву)- косить (глазом) [Караулов 1972: 57-68; Куренкова 2006: 176]. В составе ЛСП выделяются лексико-семантические группы (ЛСГ). К изучению ЛСГ обращались в своих исследованиях многие ученые [см: В.И. Кодухов 1987,

А.А. Уфимцева 1962, Ф.П. Филин 1967, Л.М. Васильев 1971, Б.А. Серебренников 1970 и др.]. Так, Л.М. Васильев под ЛСГ понимает «любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей (или хотя бы одним общим семантическим множителем)» [Васильев 1971: 110].

Под ЛСГ В.И. Кодухов понимает объединение слов одной части речи одинаковой предметной направленности [Кодухов 1987]. Ф.П. Филин считает тематическую отнесенность одним из признаков ЛСГ, хотя и не решающим, а также полагает, что ЛСГ является продуктом законов и закономерностей развития лексической системы языка [Филин 1967].

А.А. Уфимцева отмечает, что слова, входящие в лексико-семантическую группу не создают новых языковых единиц. Границы ЛСГ обладают относительным характером, поэтому ЛСГ не является единицей словарной структуры языка. Одно и то же слово в разных значениях может включаться в состав нескольких лексикосемантических групп. Границы ЛСГ подвижны и изменчивы в ходе исторического развития языка, поскольку словарный состав отражает происходящие в обществе изменения, в связи, с чем одни слова появляются, а другие, наоборот, исчезают из употребления [Уфимцева 1962: 139-141].

Как отмечает Б.А. Серебренников понятие лексико-семантической группы «не рассматривается только лишь инвентарным перечислением ее членов и их значений», поэтому в составе ЛСГ можно выделять центральное слово, которое обладает наибольшим количеством значений, выражающих признаки понятия [Серебренников 1970: 154].

Таким образом, можно говорить о том, что ЛСГ представляет собой большую группу слов, объединенных одним словом-идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменить остальные слова в некоторых контекстах (Например: молоток, лопата, грабли – «инструменты»). Структура ЛСП и ЛСГ представляет собой ядро и

периферию. К ядру относятся единицы, значения которых имеют общие признаки с ядром. Сюда относятся варианты, синонимы, антонимы, родовидовые группы, объединенные нулевыми и привативными оппозициями. На периферии находятся слова, связанные эквиполентными оппозициями с ядерными лексемами [Караулов 1972].

Помимо лексико-семантических групп и лексико-семантических полей языковые единицы могут объединяться в лексико-фразеологическое поле, т.к. системные модели, построенные только на основе одних слов являются неполными [Гольдберг 2000].

Под лексико-фразеологическим полем А.Е. Гусевой понимается совокупность лексических и фразеологических единиц, объединенных общей семантической идеей и характеризующихся определенными системными отношениями, а также обладающих стилистической неоднородностью [Гусева 2008: 116]. Лексикофразеологическое поле – это лексико-семантическое поле, в которое также входят и фразеологические единицы.

Под тематической группой Ф.П. Филин понимал «группу слов, объединенных на основе классификации самих реалий, а не лексико-семантических связей. Замена одного из слов тематической группы другим с течением времени не приводит к изменению в значении, стилистической окраске слов той же группы, что свидетельствует о почти полном отсутствии семантических связей между словами группы в языке на данном этапе его развития» [Филин 1967: 526].

Другими словами, тематическая группа или поле представляет собой совокупность большого числа слов, устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, единиц разных частей речи, относящихся к одной сфере действительности (например, «спорт»).

А.А. Уфимцева называет тематические группы «предметными», и полагает, что объединение слов в одну группу происходит в результате общности функций обозначаемых словами предметов и процессов в одном

или разных языках. Такие объединения, по ее мнению, происходят только по номинативной, а не сигнификативной стороне слов [Уфимцева 1962: 133]. Помимо предметных (тематических) групп А.А. Уфимцева в своих работах выделяет также терминологические группы (объединение слов происходит по принадлежности к одной и той же профессиональной сфере), этимологические (слова объединяются по генетической общности), семантико-синтаксические группы (представляют собой словосочетания, имеющие чисто смысловые или синтаксические связи), фонетикосемантические группы (объединения фономорфологических вариантов слов, разошедшихся в своем лексическом значении), лексико-грамматические классы слов или частей речи (объединение производится с точки зрения морфологической природы и синтаксических функций), словообразовательные связи (сюда входят два основных типа словесных групп:

- 1) суффиксально и префиксально образовательные слова,
- 2) слова, образованные при помощи парадигмы, т.е. по конверсии),

понятийные поля (абстрактные понятийные сферы, различные области жизни народа, присутствующие в его сознании говорящего на данном языке коллектива) [Уфимцева 1962: 133-137]. Важной моделью или способом группировки лексических единиц является ассоциативная группа.

Под ассоциативной группой понимается совокупность слов, связанных в сознании человека с каким-либо словом стимулом. В.М. Швецова со ссылкой на М.М. Покровского утверждает, что «если изначально предметы внешнего мира, психики, культуры народа и т.п. ассоциированы в сознании человека, то слова, служащие для их обозначения, так же ассоциированы между собою в языке» [Швецова 2013: 74].

Ассоциации подразделяются на синтагматические и парадигматические. Синтагматические ассоциации образуют со стимулом

сочетания (например, «идти пешком»), а парадигматические имеют какую-то общность со стимулом, но не образуют с ним словосочетание (например, «идти-бежать»). Таким образом, при описании лексики учеными предпринимались различные попытки группировки лексических единиц. Системный принцип описания лексики является ведущим в традиционной лингвистике. Упомянутые ранее и некоторые другие модели группирования лексики использовались лингвистами при описании лексических единиц, обозначающих животных, которые являются объектом нашего исследования.

В нашем магистерском исследовании мы будем придерживаться точки зрения Ф.П.Филина.

§ 1.2. Фаунистическая лексика как объект лингвистического исследования

Единицы языка, представляющие собой наименования животных и выражающие их характеристики своим значением, составляют обширный пласт в лексической системе языка. В лингвистике такие лексические единицы обозначают термином «фаунистическая лексика». На протяжении многих лет фаунистическая лексика привлекает внимание многих лингвистов, поскольку наличие такого рода лексики в языке и использование лексических единиц, обозначающих животных, в своих вторичных значениях для характеристики человека является проявлением антропоцентрического принципа, исследование которого является наиболее актуальным на сегодняшний день для современной науки.

Изучением фаунистической лексики на разных этапах развития лингвистической науки занимались такие ученые, как Ф.А. Литвин, М.Н. Лапшина, Ю.Г. Завалишина, И.В. Миронова, С.Г. Ватлецов, Н.В. Солнцева, Е.А. Аквазба, Д.А. Тишкина, Ю.С. Орехова, М.В. Горбенко, Р.А. Карам, Е.В. Метельская, С.А. Ганичева и др.

В лингвистической науке существуют различные термины для обозначения животных, как в прямом, так и в переносном смысле.

Наиболее употребительным термином является «зооним», однако не существует строгого определения данного понятия, и различные ученые под «зоонимами» подразумевают лексические единицы разной семантики.

Так, лингвистические и толковые словари дают определения «зоонима» как разновидности имен собственных или клички животных [Жеребило 2010: 114; Ефремова 2000]. Е.В. Метельская под зоонимом понимает передаваемую посредством наименования животного вербализацию образа человека, на которого в процессе коммуникативного акта в определенной речевой ситуации направлено высказывание. Она отмечает, что данный термин может обозначать не только собственные имена животных, но и имена нарицательные, поскольку родовые и видовые названия также можно отнести к зоонимам. Исследуя субстандартную лексику, Е.В. Метельская в структуре лексического значения «зоонима» выделяет следующие компоненты: денотативный (отображение в значении наиболее общего представления о предмете коммуникации), коннотативный (передача дополнительных значений и оттенков лексической единицы) и национальнокультурный (представление философского мироощущения народовносителей языков, стереотипов мышления этноса, устоявшихся в ходе развития языков) [Метельская 2012].

По мнению М.В. Горбенко, зоонимам присуща как коммуникативная, так и кумулятивная функция, то есть функция фиксации и накопления в их семантике общественно значимого опыта. Возникая в речи, такие единицы воспроизводятся, закрепляются и переходят в язык в результате своей образности, эмоциональной окрашенности, экспрессивности [Горбенко 2009]. Близким к понятию «зоонима» является понятие «зоологизм», которое обозначает языковую единицу, употребляемую для номинации животного как биологического существа.

По характеру номинации Р.А. Карам подразделяет зоологизмы на простые (синица, волк, собака и т.д.), сложные (носорог, овцебык,

тонконог, т.п.) и сложносоставные (лебедь-грубач, заяцбеляк, бобр-производитель и т.п.) [Карам 2010]. Названия животных широко используются в переносном смысле для характеристики человека.

По мнению М.Н. Лапшиной, это связано с достаточной абстрактностью важных для человека понятий (например, особенностей характера и поведения человека), что приводит к необходимости их фиксирования с помощью других, более предметных и ясных, понятий [Лапшина 1998]. Для метафорических обозначений с использованием лексических единиц животной семантики учеными используется термин «зооморфизм» [Литвин 1975; Лапшина 1998, 2016; Ватлецов 2001; Солнцева 2004].

Так, Н.В.Солнцева четко разграничивает понятия «зоосемизма», как наименования животного в прямом смысле, и «зооморфизма», использующегося для характеристики объекта. Зоосемизмы и зооморфизмы она относит к вариантам зоонима, составляющие его смысловую структуру, т.к. в наименовании животного также проявляется признак качества (положительный или отрицательный): «гиена» - злой, коварный человек. Н.В.Солнцева определяет зооморфный образ как национально-культурное представление, связанное с конкретным животным и облеченное в форму оценочного стереотипа (квазистереотипа).

В структуре коннотативного значения зооморфизмов образность находится в тесной взаимосвязи с оценочным компонентом. Оценка имеет соотношение с представлением о ценностных достоинствах денотата, выражает личное или общественно закрепленное отношение носителей языка к объекту внеязыковой действительности.

В языке оценка представлена двумя типами - общей и частной, а общеоценочное значение зооморфизмов соотносится с понятиями «отрицательный» и «положительный». Общая оценка складывается из частных оценок. Характеристика лица, передаваемая зооморфизмами,

связывается со следующими частными оценками: нормативной, утилитарной, эстетической, этической, эмоциональной, интеллектуальной [Солнцева 2004]. Зооморфная метафора большей частью строится на визуальном подобии - прямом или опосредованном, часто приобретая гротескные, гипертрофированные формы.

Г.Н. Складаревская полагает, что признак, формирующий зооморфную метафору, не является существенным для исходного понятия. Зачастую он не входит в его смысловую характеристику. Кроме того, в отдельных случаях он даже противоречит привычным для человека ассоциациям, которые вызывает то или иное слово. В качестве примера Г.Н. Складаревская использует зооморфизм «собака» и обращает внимание на то, что в русском языке ни один человек не назовет верного и преданного человека собакой, в то время как собака издавна воспринимается как символ преданности, бескорыстной дружбы и верности. В метафорическом значении закрепилось значение как о злом, жестоком, дурном человеке [Складаревская 1993: 60-61].

С.Г. Ватлецов, исследуя зооморфную лексику, отмечает, что место зооморфизмов в системе языка определяется лингвистическими и экстралингвистическими факторами, поскольку зоонимы обладают прагматической функцией, выражая оценку, чувства, эмоции. Зооморфизмы способны отражать как универсальные свойства (состав слова, системная организация и т.д.), так и национальную специфику, к которой могут относиться особенности словообразования, сочетательные свойства, способность к развитию полисемии и т.д.

В своем исследовании С.Г. Ватлецов обращает внимание на то, что зоосемичные единицы могут указывать как на естественные особенности животных, так и на неестественные, вымышленные и возникшие на религиозных представлениях или суевериях. К первым он относит зооморфизмы, а для единиц, относящихся ко второй категории, он вводит такое понятие как «паразооморфизм». В качестве примера

«паразооморфизма» он рассматривает устаревшее значение слова shrewd (относящийся к землеройке) в значении «злой, коварный», которое было основано на поверье, что землеройка ядовита [Ватлецов 2001].

И.В. Миронова в своем исследовании фаунистической лексики предлагает использовать термин «зооцентрическое обозначение человека и его действий», тем самым указывая на то, как использование наименований животных, их характеристик, особенностей их поведения, а также действий людей, направленных на животных для характеристики действий человека, определяет зооцентрический принцип номинации [Миронова 2000].

Таким образом, терминологический аппарат фаунистической лексики составляют понятия «зоонима» и «зоологизма», обозначающих языковые единицы, которые употребляются для наименования животного. Лексические единицы, репрезентирующие животных, которые используются для характеристики человека, обозначаются термином «зооморфизм» или «зооморфная метафора».

Также терминологию лексики, исследуемой семантики, составляет термин «зооцентрическое обозначение человека и его действий», который включает в себя как наименования животных, их характеристик и особенностей поведения, но также и характеристику действий человека, направленных на животных.

§ 1.3. Подходы к рассмотрению фаунистической лексики в языке и способы ее группировки

Фаунистическая лексика рассматривалась лингвистами в рамках различных подходов, среди которых выделяются литературоведческий, лингвокультурологический, структурно-семантический, семасиологический и ономаσιологический подходы, проводился этимологический анализ, а также предпринимались различные попытки группирования и классификации единиц данного типа лексики.

Так, в русле литературоведения Ю.С. Орехова исследовала анималистическую литературу Франции. Она утверждает, что в сказке, басне, бестиарии и животном эпосе образы животных используются для достижения более наглядного и углубленного представления о человеке. Анализируя творчество С-Г Колетт, она приходит к выводу, что животное французской писательницы включает в себя видимые литературные элементы (сам образ животного) и скрытые, невидимые (то, какую функцию животное выполняет в повествовании) [Орехова 2008].

В рамках структурно-семантического подхода С.А. Ганичевой были рассмотрены глаголы-зоофоны. В своем исследовании она предложила описание семантической системы глаголов-зоофонов, которые функционируют в русских говорах, сочетая семасиологический подход с ономасиологическим. Она выявила аффиксальные парадигмы, типичные для глаголов-зоофонов русских говоров, а также определенные принципы варьирования корневых морфем данных слов [Ганичева 2016].

А.В. Балабанова исследовала структурно-семантическую организацию зоонимического лексикона и функциональные особенности зоонимической лексики в художественном дискурсе Е.И. Носова. В ходе своего исследования она пришла к выводу о том, что зоонимическая лексика в идиостиле Е.И. Носова реализует как прямое, так и переносное значение, имеет культурную коннотацию и относится к разным стилям лексики русского языка [Балабанова 2008].

В русле семасиологического и ономасиологического подходов А.О. Кубасовой была рассмотрена зоолексика румынского языка при ее использовании для характеристики человека. Она рассматривала вопросы, связанные с взаимодействием компонентов семантической структуры зоолексем и конкретными формами их семантического согласования с внеязыковой ситуацией и прагматической направленностью высказывания в целом. В своем исследовании она разработала новую методику

семантической интерпретации поливалентных сравнений человека с животными [Кубасова 2008].

В рамках лингвокультурологии М.В. Соколовой проводился анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом марийского и финского языков. В ходе исследования ею были выявлены типы межъязыковых соответствий, которые подтверждают универсальность и уникальность культурно-значимых понятий, средствами марийского и финского языков, а также посредством сравнения зоосемических фразеологических единиц данных языков автору удалось установить фрагменты национальной картины мира.

В своей работе М.В. Соколова также выделяет ассоциативные фразеологические поля в результате проведенного ассоциативного эксперимента с носителями исследуемых языков. Автор отмечает образность зоонимов и относит некоторые из них к разряду оценочных существительных, указывая на наличие зоохарактеристик, содержащихся в собственно названиях животных в марийском и финском языках [Соколова 2015].

Т.И. Скикевич исследовала тематическую группу названий животных в русском языке и дала этимологическую характеристику всей тематической группы. Русская зоологическая номенклатура, по ее мнению, представляет собой систему наименований, которая состоит из различных по происхождению групп, отражающую исторически сложившиеся отношения людей к животным и определенный уровень познания их свойств на различных этапах развития русского языка. Она полагает, что номинация диких животных в русском языке происходит в соответствии со следующими мотивационными признаками: по цвету шерсти или по цвету отдельных частей тела; по форме (наиболее заметным внешним признакам); по особенностям поведения и способу передвижения; по месту обитания, по характерному запаху, по характеру питания, по времени наибольшей суточной активности, по сходству с

другими животными или предметами [Скикевич 1998]. А.В. Шевчик выделяет в составе зоонимов характерные для данной тематической группы номинационные признаки, связанные с 1) внешним видом животных (белодушка, толсторог, носач, слепыш); 2) с особенностями их поведения (боксёр, ленивец, летяга, рысак); 3) образом жизни (полёвка, сеноставка, песчанка, вечерница); 4) с использованием животных (гончая, овчарка, ищейка, крысоловка); 5) их питанием (медоед, ракоед, вампир); 6) издаваемыми ими звуками (волк, лайка, пищуха); 7) принадлежностью животного к определённому виду или роду (козерог); 8) происхождением породы / вида животного (болонка, донец, йоркшир); 9) запахом животного (вонючка). По мнению ученого, данные номинационные признаки несут информацию об особенностях восприятия мира животных языковым коллективом [Шевчик 2011]. В различных исследованиях выделяются классификации зоонимов по тематической общности, оценочному признаку, степени переосмысления фразеологизма, его структуре и степени мотивированности, а также по типам сравнительных конструкций. В процессе группировки лексических единиц, обозначающих животных, авторы выделяют лексико-семантические группы, области, разряды, поля и кластеры. Так, Е.В. Метельская, исследуя зоонимы в субстандартном лексическом фонде русского и английского языков, представила классификацию, в которой выделяются следующие тематические группы зоонимов: интеллектуальная оценка; моральные качества; полоролевая референция; социальные связи; возраст; род занятий, вид деятельности; внешность, физические данные, национальная и расовая принадлежность, место проживания, сексуальные пристрастия, отношение к еде отношение к спорту; отношение к армии; отношение к алкоголю и наркотикам; аппелятивы (презентация образа людей разных возрастов и социальных статусов относительно их манеры обращения друг к другу, употребляемой лексики, конструкций и предложений); инвективы (воссоздание образа человека, использующего в своём лексиконе бранные

слова и человека, на которого в процессе коммуникативного акта данные слова направлены) [Метельская 2012]. А.В. Балабанова в своем исследовании зоонимов в творчестве Е.И.Носова выделяет следующие тематические группы зоонимической лексики: «Человек», «Животный мир», «Растительный мир», «Природа», «Неживые предметы», а также «средства и способ передвижения» [Балабанова 2008]. Л.Ф. Пуцилева подразделяет русские зоонимы и фитонимы относительно их характеристик на две тематические группы – зоонимические и фитонимические неантропохарактеристики (метафорические характеристики явлений и объектов действительности) и антропохарактеристики (к ним относятся зооморфизмы и фитоморфизмы).

Последние Л.Ф. Пуцилева классифицирует на две лексико-семантические группы (ЛСГ): «качества характера, поведение человека» и «внешний вид человека». К первой группе она относит зооморфизмы и фитоморфизмы, характеризующие морально-этические, интеллектуальные, социально-коммуникативные качества и личностноповеденческие характеристики. Во вторую группу она включает зооморфизмы и фитоморфизмы, обозначающие анатомо-физические, физиолого-возрастные, функциональные, социальные характеристики внешности человека. По аксиологическому признаку коннотации зоонимов и 28 фитонимов она подразделяет на три группы: с мелиоративной, пейоративной оценками и без оценки или «нейтральные» [Пуцилева 2009]. Е.О. Аквазба выявила денотативное и коннотативное значения растительной и животной лексики в произведениях М.М. Пришвина. В своем исследовании она выделила следующие лексико-семантические группы и сферы, присутствующие в семантической картине природы М.М. Пришвина: Земля, Фауна (растительный мир), Флора (животный мир), которые делятся на следующие семантические участки: Земля - Рельеф; Флора - Лес, Деревья, Кустарники, Травы, Цветы, Грибы, Мхи, Огород, Поле; Фауна - Животные (дикие и домашние), Птицы (дикие и домашние),

Пресмыкающиеся, Земноводные, Рыбы [Аквазба 2004]. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом составляют значительный пласт в языках. Основными типами переосмысления для ФЕ являются метафорическое и метонимическое. Метафорические фразеологизмы основаны на различных видах сходства, реальных или воображаемых, и могут обозначать только лиц, только нелиц или тех и других. Подавляющее большинство ФЕ носит антропоцентрический характер, т.е. относится к человеку или тому, что с ним связано. Оценки могут быть как пейоративными, так и мелиоративными, но встречаются и безоценочные или немаркированные обороты [Назарян 1976: 72-77]. Комплекс представлений носителей языка о том или ином эталоне, стереотипе, концепте национальной культуры формирует национальнокультурное своеобразие ФЕ [Соколова 2015]. Д.А. Тишкина, рассматривая субстантивные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в русском и английском языках, опирается на классификацию фразеологизмов, предложенную А.В. Куниным, т.е. 1) полностью переосмысленные субстантивные ФЕ со структурой словосочетания; 2) полностью переосмысленные ФЕ с частично предикативной структурой; 3) частично переосмысленные субстантивные ФЕ [Тишкина 2007; Кунин 1986: 209-216]. Субстантивные ФЕ в обоих языках могут использоваться для обозначения лиц. В этой группе она выделяет: 1. ФЕ с пейоративной оценкой. В основе ФЕ может лежать: сходство поведения: a dog in the manger – собака на сене; 2. ФЕ с мелиоративной оценкой. В основе ФЕ лежит сходство внешности: a dolly bird – жарг. хорошенькая, нарядная девушка, «куколка»; сходство повадок, привычек: an early bird – ранняя пташка (об удачливом человеке, рано принимающемся за работу) [часть пословицы the early bird catches the worm]; Субстантивные ФЕ также могут использоваться для обозначения нелиц. Д.А.Тишкиной выделяются следующие группы таких ФЕ: 1. Безоценочные фразеологизмы, в основе которых лежит сходство движения: ducks and drakes – «блины» (игра,

состоящая в бросании плоских камешков по поверхности воды так, чтобы они подсакивали; 2. ФЕ с пейоративной оценкой: сказка про белого бычка – бесконечное повторение одного и того же с самого начала, возвращение к одному и тому же; 3. ФЕ с мелиоративной оценкой: *animal spirits* – жизнерадостность, бодрость. Некоторые ФЕ могут относиться как к лицам, так и к нелицам: *a dead duck* – разг. 1) конченный человек; ~ его песенка спета (обыкн. о политическом деятеле) [первонач. амер.]; 2) безнадежное дело; полный провал. Д.А. Тишкина также отмечает, что многие ФЕ представляют собой мотивированные обороты: *sheep without a shepherd* – «овцы без пастуха», паства без пастыря, беспомощная, беспорядочная толпа. Мотивированность, по ее мнению, обуславливается тем, что, как правило, существует семантическая связь между ФЕ и ее переменным прототипом, являющимся промежуточным звеном между ФЕ и породившей его реальной ситуацией. Наряду с мотивированными Д.А. Тишкина выделяет также и 30 немотивированные ФЕ с затемненной внутренней формой. Восстановление данной формы требует лингвистического анализа с привлечением экстралингвистических данных. Семантическую неразложимость ФЕ могут создавать различные факторы, среди которых Д.А. Тишкина отмечает отживание общественной практики, обычая, породивших обороты с буквальным значением, на основе которых позднее возникли ФЕ: *a white elephant* – обременительное или разорительное имущество, обуза; подарок, от которого не знаешь, как избавиться [король Сиам, желая разорить кого-л. из своих подданных, дарил ему священного слона, содержание которого обходилось очень дорого] [Тишкина 2007]. Одним из наиболее продуктивных зоонимических тропов является сравнение. Объектом сравнения может выступать не только предмет, но и признак, состояние, действие.

Таким образом, зоонимы могут быть также классифицированы по типам компаративных конструкций. Например, А.В.Балабанова подразделяет зоонимические сравнения русского языка в творчестве Е.И.

Носова относительно следующих компаративных конструкций [Балабанова 2008]:

1. Морфологические компаративные конструкции. Показатель сравнения выражается морфологическими средствами языка – словами определенной части речи, их формами или словообразовательными частями (префиксами, суффиксами. В данную группу входят зоонимысуществительные в форме творительного падежа: передвигаться утицей, налетать коршуном; сравнительно-уподобительные наречия с аффиксальными показателями компаративности: по-медвежьи запрокинуть голову; зоонимические имена прилагательные: быковатый, звериный, лисий; глаголы-дериваты зоонимов, содержащих идею сравнения: звереть, набычиться, сурковать; зоонимические имена прилагательные и причастия, одновременно содержащие в себе образ и часть объекта сравнения: змеетелый; зоонимические имена прилагательные и причастия, вторая часть которых является стандартизированным показателем сравнения: китоподобный;
2. Синтаксические компаративные конструкции. Показатель сравнения выражен синтаксическими средствами языка: сравнительные обороты, придаточные сравнительные предложения с союзами как, будто, самостоятельные сравнительные предложения, вводимые словами вроде, как, будто, так, такой, развернутые сравнения.
3. Лексические компаративные конструкции. В данных конструкциях показатель сравнения выражен лексическими средствами языка: определительные обороты, вводимые словами, в семантике которых содержится идея сравнения – похожий, напоминающий, сравнительные конструкции, вводимые специальными словами-предлогами наподобие, вроде, подобно и лексемами походить, напоминать. Отрицательные сравнения – «чудилось, будто это не просто лёд, а огромное животное брело по дну...».

В соответствии с особенностями денотативно-сигнификативного и коннотативного компонентов значения зооморфизмов исследуемых языков Н.В. Солнцева группирует лексические единицы относительно двух

разрядов характеристик - «конкретно-личностных» и «социально-ролевых». В рамках последних она выделяет семантические поля, соответствующие определенным антропологическим аспектам. К таким аспектам она относит «внешний вид», «социальный типаж» и др. Микрополе, соотносящееся с каким-либо определенным качеством (признаком) человека, например, «человек ленивый», «человек темпераментный» и т.д., является последней ступенью членения. Микрополе, по мнению Н.В.Солнцевой, объединяет входящие в него зооморфизмы по общему семантическому компоненту и не исключает дополнительных, дифференциальных, отличающих членов данного микрополя друг от друга компонентов. Зооморфизмы могут участвовать в различных микрополях, семантических полях и даже разрядах, поскольку в семантической структуре зооморфизмов обнаруживается сосуществование нескольких, иногда качественно различных признаков [Солнцева 2004]. И.В. Миронова в своем исследовании выделяет лексикосемантическую область «Животный мир», в которую входят единицы, являющиеся источником для зооцентрических обозначений человека и его действий. Данная лексико-семантическая область включает в себя лексикосемантические группы (ЛСГ), структуру которых составляют обозначения видов животных, характеристики их внешних черт, поведения и повадок. Таким образом, ученым выделяются следующие лексико-семантические группы: «наименования представителей животного мира», «внешние черты представителей животного мира», «скопления представителей животного мира одного биологического вида», «перемещение представителей животного мира», «повадки и черты поведения представителей животного мира», «звуки, издаваемые представителями животного мира», «взаимодействие человека и представителей животного мира», «места обитания представителей животного мира» [Миронова 2000]. Ю.Г. Завалишина при описании паремий с использованием фитонимов и зоонимов использует метод

кластерного анализа. Кластером в данной работе автор называет определённый фрагмент паремиологической картины мира, составляющие которого (русские и английские паремии с зоонимами и фитонимами) характеризуются общей понятийной отнесённостью. Кластер характеризуется наличием семантической общности составляющих его языковых единиц (паремий). В данном случае таким общим семантическим моментом является обобщающее паремийное значение [Завалишина 1998]. Ю.Г.Завалишина считает, что тождественность совокупностей кластеров, представляющих макрополе «Человек», в паремиологии обоих этносов является результатом одинакового взгляда на природу человека. Также автор отмечает этническую различность паремиологической картины мира в русских и английских стереотипах, поэтому наблюдается наличие или отсутствие тех или иных кластеров с исследуемой лексикой в паремиологической картине мира этноса [Завалишина 1998]. Исследование лексической подсистемы в рамках традиционного подхода представляет собой способ описания языка в статическом аспекте, что не учитывает познавательной способности индивида, а именно то, как результаты познавательной деятельности человека отражаются в языке. В связи с этим, представляется целесообразным в данном исследовании обратиться к когнитивному подходу к анализу языка. Изучение языка в рамках когнитивного подхода позволяет взглянуть на языковые процессы в несколько другом ключе. Такие процессы, как концептуализация и категоризация, являющиеся базовыми в когнитивной лингвистике, представляют собой «процессуальные явления», и, как справедливо отмечает А.Л. Шарандин, данные процессы являются динамическими по своей природе, т.к. «многообразие окружающего мира обуславливает восприятие и осмысление разных его сторон, являющихся объектами этого мира» [Шарандин 2013: 76]. Другими словами, исследование языка с позиции когнитивного подхода учитывает подвижность концептуальной системы

человека, что позволяет взглянуть на принципы организации и группировки лексических единиц в динамике, беря в расчет связь языка с мышлением, познавательной активностью и практической деятельностью человека, что является наиболее актуальным на сегодняшний день.

Выводы по первой главе

Таким образом, можно говорить о том, что под тематической группой Ф.П. Филин понимал «группу слов, объединенных на основе классификации самих реалий, а не лексико-семантических связей. Замена одного из слов тематической группы другим с течением времени не приводит к изменению в значении, стилистической окраске слов той же группы, что свидетельствует о почти полном отсутствии семантических связей между словами группы в языке на данном этапе его развития» [Филин 1967: 526].

Следовательно, тематическая группа или поле представляет собой совокупность большого числа слов, устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, единиц разных частей речи, относящихся к одной сфере действительности (например, «спорт»).

В магистерской диссертации будем опираться на исследования Т.И. Скикевич, которая изучила тематическую группу названий животных в русском языке и дала этимологическую характеристику всей тематической группы. Русская зоологическая номенклатура, по ее мнению, представляет собой систему наименований, которая состоит из различных по происхождению групп, отражающую исторически сложившиеся отношения людей к животным и определенный уровень познания их свойств на различных этапах развития русского языка. Она полагает, что номинация диких животных в русском языке происходит в соответствии со следующими мотивационными признаками: по цвету шерсти или по цвету отдельных частей тела; по форме (наиболее заметным внешним признакам); по особенностям поведения и способу передвижения; по месту

обитания, по характерному запаху, по характеру питания, по времени наибольшей суточной активности, по сходству с другими животными или предметами [Скикевич 1998].

ГЛАВА II. ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ПО ТЕМАТИЧЕСКИМ ГРУППАМ

§ 2.1. Особенности изучения лексики по тематическим группам

Слова отражают связи, которые существуют между предметами и явлениями в самой действительности. Вместе с тем слова являются единицами языка, и между ними существуют и собственно языковые связи: они объединяются в определённые лексико-семантические группы, в каждом языке по-своему членимые на те или иные отрезки действительности (например, в русском языке названия возвышенностей: гора, холм, пригорок, курган, сопка глаголы движения: идти, ехать, лететь, плыть, ползти, что не находит полного соответствия в других языках).

Все слова (многозначные - в каждом из своих значений) находятся в определённых соотношениях с другими словами. Одной из главных задач семасиологии как одного из разделов лексикологии является выяснение тех семантических противопоставлений, которые существуют между различными словами, в том числе синонимическими и антонимическими. Именно противопоставление значений различных слов делает возможным выделение существенных семантических признаков, которыми определяется данное значение слова.

Возможность сочетания слова с другими словами теснейшим образом связана с его значением. Для многозначных слов именно

сочетаемость и определяет то, что слово выступает в том или другом значении (ср.: рыть землю, лечь на землю, приплыть к земле, земля вращается вокруг солнца и т.д., где земля выступает в разных своих значениях).

К задачам лексикологии относится также определение слова как основной единицы языка, выяснение связи значения слова с понятием, выделение различных типов значений слов.

Одной из основных задач, которые призвана решить лексикология, является установление различных видов системных отношений, существующих внутри различных групп лексики, установление тех объективных показателей, которые объединяют слова друг с другом.

Индивидуальная прикреплённость лексем к различным предметам и явлениям внеязыковой действительности, как подчёркивает Д.Н. Шмелёв, делает отношения между ними чрезвычайно разнообразными и сложными. Поэтому всякая попытка систематизировать эти отношения, установить определённые типы связей между отдельными значениями многозначных слов не может не быть известным упрощением этих связей. Однако это не значит, что всякого рода систематизация в данной области вообще невозможна или неоправданна (сложность и разновидность изучаемого материала как раз требует его определённой систематизации), но необходимо иметь в виду, что предлагаемые схемы только в известной мере отражают подлинную сущность рассматриваемых связей, а потому почти всегда имеют условный характер.

Как известно, словарный состав языка не представляет собой механическую сумму изолированных друг от друга в лексико-семантическом отношении отдельных слов. Вопрос о лексико-семантической взаимосвязи слов, объединении слов в разнообразные лексико-семантические группы или ряды давно уже ставился в лингвистической литературе. Например, М. М. Покровский в свое время писал: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но

соединяются, независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Понятно уже а priori, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое; понятно также, что эти слова употребляются в сходных синтаксических сочетаниях". Покровский с основанием считал, что в каждом языке на данной ступени его развития имеются семантические группы слов, свойственные только этому языку, причем своеобразия каждого языка в этом отношении могут быть обнаружены лишь при помощи сравнительного изучения. Однако М. М. Покровскому не удалось даже приближенно определить лексико-семантические группы слов, как категории словарного состава языка, отграничить их от других связей слов. Под влиянием воззрений М. Бреала о "Взаимной ассоциации слов М. М. Покровский рассматривал проблему с психологических позиций, смешивая "круги представлений", обозначаемых словами, с собственно значениями слов. Он усматривал в лексике, в образовании новых слов, такое же действие аналогии (своего рода "всеобщего семасиологического закона"), как в фонетике и грамматике. В сущности, поставленная им лексикологическая проблема трактуется в грамматическом плане. Таким образом, своеобразие лексико-семантических групп, как явлений словарных, оставалось нераскрытым.

Среди различного рода воззрений на природу семантических связей слов, высказанных за последние два-три десятилетия западно-европейскими лингвистами, заметное место занимает так называемая теория "семантического поля" Йоста Трира, нашедшая себе немало последователей. Согласно Триру, при произношении, любого слова в сознании говорящего и слушающего всплывает ощущение другого слова или других слов, и семантическом отношении "соседних" с произносимым словом. Это соседство слов друг с другом вызывается сходством или противоположностью их значений, обозначаемых ими понятий. По

сходству или противоположности все понятия, заключенные в языке, разбиваются на более или менее замкнутые группы, круги или “блоки” понятий. Каждое понятие реально только благодаря наличию его связи, соотнесенности с другими понятиями данной группы. В свою очередь, какое-либо изменение в одном понятии влечет за собой перестройку соотношений между понятиями и, следовательно, изменение и даже отмирание других понятий этой группы, также возникновение новых понятий. Круг понятий и присутствующий в нем механизм соотношений и изменений был назван “семантическим полем”. Каждое понятие имеет свой словесный знак, каждое “семантическое поле” обладает своим “знаковым или лексическим полем”. Как красный сигнал не имеет никакого смысла без сигналов других цветов, так и слово имеет значение только как часть семантического поля, поскольку в изоляции границы его значения не могли бы быть определены. Например, значение слова *mangelhaft* проясняется лишь потому, что рядом с ним имеется *genügend-ungenügend*, а *genügend* соотносится с *gut* и *sehr gut* и т. д. Весь словарный состав языка распадается на группы слов, на “семантические поля”.

Совокупность всех этих групп составляет лексико-семантическую систему языка. Сами “семантические поля” в разной степени связаны друг с другом, в частности, по принципу иерархического подчинения (более широкие и более узкие “поля”). Каждое “поле” с течением времени изменяет свою структуру, следовательно, изменяется лексическая структура языка в целом. Задача лексикологии современного языка - изучение “семантических полей” и их взаимоотношений друг с другом в синхронном разрезе, задача исторической лексикологии - изучение этих “полей” в диахроническом разрезе.

Теория “семантического поля” Трира является во многом для нас неприемлемой. По Триру, язык представляет собой систему интеллектуальных символов, которыми вовсе не отражаются предметы реального мира. Предметы реального мира якобы являются лишь

идеальными единицами, зависящими от характера членения структуры языковых символов. Идеалистическая основа такого рода рассуждений достаточно хорошо раскрыта марксистской философией, а в применении к природе символов прежде всего в классическом труде В. И. Ленина “Марксизм и эмпириокритицизм”. Трир считает, что вне “семантического поля” вообще не может быть значения слова. Слово следует за сущностью всех знаков, символов, а сущность эта заключается в том, что обозначаемое содержание и “объем знака” этого содержания определяются по месту, которое знак получает в “семантическом поле”. Однако структура “семантического поля” вместе с развитием языка постоянно изменяется, прежде всего, благодаря изменению значения отдельного компонента “поля”, т. е. отдельного слова. Получается заколдованный круг: слово с его значениями существует лишь благодаря определенному месту, занимаемому им в “семантическом поле”, определяется этим “полем”, и в то же время слово произвольно изменяется, внося изменение в структуру семантического “поля”. Поскольку действительные причины языковых изменений остаются нераскрытыми, самый характер этих изменений в теории семантического “поля” теряет свою закономерность, объявляется результатом непостижимых самодовлеющих мыслительных и психологических процессов.

В представлении Трира о механизме развития “семантического поля” в принципе не имеется ничего нового. Между отдельными компонентами “поля” существует “семантическое равновесие”, основывающееся на сопоставлении и противопоставлении значений слов. Когда же один из компонентов (или несколько компонентов) претерпевает изменение, “семантическое равновесие” нарушается, происходят сдвиги в значениях слов всего “поля”, что приводит к новому равновесию, к образованию измененной структуры “семантического поля”. Теория “семантического поля” представляет собою одну из разновидностей структурализма, так

сказать, его “семантическую” разновидность, и исходит из теоретических построений Ф. де Соссюра. На это указывает и сам Трир.

Хотя, как сказано выше, идеалистическая основа теории “семантического поля” для нас неприемлема, все же частные наблюдения Трира и его последователей, основывающиеся на изучении конкретного лексического материала, заслуживают определенного внимания. Это относится к установлению отдельных лексико-семантических групп слов в немецком и других языках, показу взаимосвязей и взаимоограничений значений слов в определенных лексико-семантических группах и изменений в этих группах на протяжении их истории.

Вопрос о лексико-семантических группах слов ставился многими другими лингвистами, но еще не получил сколько-нибудь достаточного теоретического освещения.

Лексико-семантические группы слов представляют собою объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям. Для ясности следует сказать, что под лексическим значением мы понимаем предметное (в широком смысле) содержание слова, соотнесенность слова к объективно существующему миру вещей, процессов, явлений и т. п. В основе лексического значения лежит понятие, которое, однако, не тождественно значению. Лексические значения слов могут быть близки друг к другу (ср. дождит и моросит и т. д.), могут и вовсе не иметь друг с другом никаких связей (яблоко и черепаха, кровь и дрова и т. п.). Разумеется, это относится как к прямым, так и переносным значениям слов, также и образным их употреблениям. Связи между словами по их лексическим значениям весьма разнообразны и обусловлены различными причинами

Чтобы попытаться определить, что такое лексико-семантические группы слов, как явление языковое, как продукт исторического развития конкретного языка или диалекта, необходимо наметить границы этих групп, отделяющие их от других соприкасающихся с ними категорий.

Прежде всего, оказываются неясными границы между тематической классификацией словарного состава и лексико-семантическими группами слов. В практике лексикологических исследований, когда изучается не отдельное слово, а совокупность многих слов, словарный материал по разным соображениям обычно классифицируется по содержанию обозначаемых им понятий, иначе по темам или сферам употребления, почти безотносительно к тому, в каких отношениях друг к другу находятся слова по их значениям. Примеров тому можно привести очень много, как из старой, так и из новой лингвистической литературы. О. Шрадер в своем известном труде "Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzuge einer Kultur und Volkergeschichte Alteuropas" выделяет, например, в особый раздел названия частей человеческого тела. Однако, в каких семантических связях между собою могут стоять такие слова, как зуб (Zahn), спина (Rucken), печень (Leber) и другие, относящиеся к этой обширной лексической теме. Объединяет эти слова только то, что они являются названиями определенной группы реалий. Р. Ф. Брандт в статье "Черты доисторического быта славян по данным языка" выделяет разделы: жилище, земледелие, огородничество, скотоводство, охота и рыболовство, одежда, портняжное дело и обувь, плотничье дело и другие. В работе И. Филина "Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи" имеются разделы: слова, обозначающие полевые и садово-огородные культуры, слова, обозначающие состояние и технику земледелия, термины скотоводства, пчеловодства, охоты и рыболовства и др. Такого рода объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений, можно назвать тематическими словарными группами. Изучение словарного состава по его тематическим группам закономерно не только по причине методических удобств при изложении разнородного лексического материала.

Исследование состояния и развития слов, обозначающих различные группы предметов и явлений природы и общества, важно само по себе, что

не требует особых доказательств. Поэтому оно и обычно в практике лексикологических работ. Впрочем, следует заметить, что языковеды, исходя не из семантических закономерностей лексики, а из той или иной группировки предметов и явлений, очень часто не имеют прочных лингвистических оснований для своих классификаций и стоят на грани утраты предмета своей науки. Например, нередко выдвигается обширная тематическая группа слов под названием “бытовая лексика” (или лексика, обозначающая предметы и явления быта). Границы этой группы крайне неопределенны, поскольку предметы и явления быта обычно относятся к различным, нередко специальным, видам производства, идеологических надстроек и т. п.

Классифицировать лексику по тематическим группам слов можно с самыми различными целями, и в каждом таком случае состав группы будет изменяться почти независимо от лексико-семантических связей слов. Например, можно выделить в особую тематическую группу названия рыб, а можно эту же группу влить в более обширную группу названий жаберных животных, в которую, кроме рыб входят раки, моллюски, земноводные в начальном периоде их развития и др. классы. Классификационные комбинации могут быть самыми различными. Тематические группы слов нередко совпадают или могут совпадать с отраслевой лексикой, например, с лексикой отдельных видов производства, науки, и т. п. Различие здесь будет заключаться в наличии или отсутствии специального, терминологического употребления слов и степени их распространенности в языке. Этим самым, конечно, не отрицается специфика термина и терминологических систем. Речь идет не об этой специфике.

При сопоставлении тематических, обычно обширных, групп с лексико-семантическими группами слов, обычно ограниченных по своему составу, как будто становится ясным различие между ними. В самом деле, если рассмотреть тематическую группу “названия частей человеческого

тела”, то можно легко обнаружить, что семантические отношения между этими названиями будут неодинаковыми. Слова спина и печень, голова и нога, зуб и локоть и т. п. обозначают различные, не сходные друг с другом реалии, и объединяются в одну тематическую группу потому, что представляют собою названия частей человеческого тела. Если в истории языка по тем или иным причинам в пределах тематической группы происходит замена одного слова другим, то такая замена не приводит к каким-либо изменениям в значениях, стилистической окраске и т. п. слов той же группы, что само по себе свидетельствует почти о “нейтральных” или “нулевых” семантических связях между словами группы, точнее, почти о полном отсутствии таких связей в каком-либо языке на данной ступени его развития. Если древнерусское слово хрьбѣть (спина) в результате семантического уточнения в современном русском языке в основном своем значении означает ?позвоночник? и постепенно вытесняется этимологически неясным спина, то это изменение никак не отражается на значениях и употреблении слов голова, ротъ и т. п.

Между тем совершенно очевидна тесная семантическая связь в современном русском языке между словами спина и хребет. В просторечии оба эти слова в определенном речевом контексте взаимозаменяемы: ср. “взвалить мешок на хребет” и “взвалить мешок на спину” Ср. также устойчивое соединение слов руки и ноги, просторечное руки-ноги (конечности тела), без рук, без ног (о калеке, потерявшем конечности), или переносно глаза и уши кого-либо (“разведчики - глаза и уши командира“) и т. д. Следовательно, в рамках одной тематической группы существуют более мелкие, но тесно спаянные между собою лексико-семантические группы слов.

И все же только одно эмпирическое сопоставление тематических и лексико-семантических групп не может решить проблемы. Например, когда мы имеем дело с ограниченной по своему составу и неделимой или почти неделимой тематической группой слов, положение очень

осложняется. Трудность разграничения тематических и лексико-семантических групп слов обуславливается, прежде всего, сложностью разделения словарного состава, как специфического явления языка, и внеязыкового содержания.

Как известно, в словах и соединениях слов в предложении регистрируются и закрепляются результаты работы мышления, успехи познавательной деятельности человека. Словарный состав языка отражает почти безграничное многообразие познанных человеческим обществом объективно, независимо от нашего сознания, существующих предметов, явлений, свойств, качеств, действий и т. п. реальной действительности, связей и отношений между ними. Естественно, поэтому слово обозначает явления действительности не изолированно, а как составной элемент лексической системы языка, и имеет многообразные связи с другими словами.

Однако, эти связи между словами, отражая объективную действительность, имеют специфическое преломление в каждом языке на данном этапе его развития, обусловленное исторически сложившимися внутренними законами языка (что, конечно, не исключает сходства языков в этом отношении). Общее между тематическими и лексико-семантическими группами слов заключается в том, что и те, и другие группы отражают познанную объективную действительность. В этом смысле любая лексико-семантическая группа слов всегда имеет свою “тему”, пусть даже будет идти речь о группе очень близких друг к другу синонимов. В этом плане не может быть разделения слов на тематические и лексико-семантические группы.

Более того, любая лексико-семантическая группа слов входит в то или иное тематическое объединение слов, являясь ее составной частью. Тематическая соотнесенность - один (но не единственный и не решающий) признак лексико-семантической группы слов. Различие между этими типами связей слов определяется тем, что лексико-семантические группы

слов представляют собой продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, тогда как тематические группы слов, само их наличие или отсутствие в каком-нибудь языке, их состав, зависят только от уровня знаний того или иного народа - создателя и носителя языка, от умения классифицировать явления действительности, получившие свои словарные обозначения. Если мы не считаем, что значение слова тождественно понятию, то мы также не должны отождествлять связи между значениями слов и связи между понятиями. Такой подход к делу, как нам представляется, позволяет наметить особенности лексико-семантических групп слов, их языковую специфику, включая и те многочисленные случаи, когда в поле зрения исследователя попадает ограниченная по своему составу группа слов, которая одновременно может быть и тематической, и лексико-семантической.

Возьмем для примера нарицательные названия населенных пунктов. В современном русском языке это слова город, пригород, предместье, селение, поселение, поселок, село, сельцо, слобода, посад, станица, деревня, хутор, выселок, починок и некоторые другие. Можно ли относить эти слова к категории тематических групп слов? Несомненно, можно, если иметь в виду лишь классификацию реалий, обозначаемых указанными словами. Однако между этими словами имеются такие семантические связи, которые отсутствуют в типичных (обычно обширных) тематических группах слов. (Нарицательные названия населенных пунктов имеют одно общее название - населенный пункт, которое, обозначая родовое понятие, может в речи заменять собою все другие слова этой группы, как слова, обозначающие видовые понятия. Все же лексико-семантические группы слов отличаются от тематических групп не только и не столько по наличию в них родовых и видовых соотношений. Слово сосна и слово абрикос обозначают видовые понятия по отношению к слову дерево, так же как слово карась и камбала по отношению к слову рыба, но если бы в русском языке не было слова абрикос или слова камбала, то в обширных

группах названий деревьев и рыб, в значениях этих названий ничего не изменилось бы, за исключением количественной убыли в этих тематических группах слов. Также и рост словарного состава в тематических группах не оказывает сам по себе какого-нибудь влияния на соотношение уже установившихся родовых и видовых понятий. Наличие в лексико-семантической группе слов слова, обозначающего родовое понятие, даже и не обязательно. Например, в антонимах типа свет и тьма, семантическая связь между которыми совершенно очевидна.

Отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями, причем при различных классификационных целях слова могут объединяться и разъединяться, что не затрагивает в чем-либо существенном их значения.

Иное дело лексико-семантические группы слов, представляющие собой внутреннее, специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития. Яркий пример тому синонимические разряды слов. Каждая синонимическая группа слов в определенном языке на определенной ступени его истории настолько тесно семантически спаяна, что ее компоненты не могут произвольно классифицироваться без нарушения существующих между ними отношений. Это и понятно, поскольку слова-синонимы имеют одно значение (независимо или в зависимости от “контекста речи”, типов словосочетаний, фразеологических сращений и т. п.), осложняемое эмоционально-экспрессивной окраской, различными стилистическими признаками, или несколькими значениями, которые в основном совпадают друг с другом и отличаются только оттенками. Иначе, синонимическая группа слов обозначает одно понятие. Ср. лингвистика - языкознание - языковедение, самолет - аэроплан, около - рядом - поблизости, украинск. баба - старуха - бабка - старечья - бабуся, древнерусск. конь - комонь - лошадь и т. д. Синонимические отношения нарушаются, если сопоставляются различные значения одних и тех же многозначных слов. Ср. родной (в значении

находящийся в кровном родстве) и милый которые не являются синонимами и даже вовсе могут не иметь в определенных речевых контекстах непосредственных семантических связей (“родной отец был ему враг”). Между прочим, недостаточный учет или непонимание того, что синонимы обозначают одно понятие, приводит ко многим недоразумениям в определении синонимических групп слов, примеров чему можно было бы привести множество. Ср. типичные примеры такого рода недоразумений в учебнике “Современный русский литературный язык” Финкеля и Баженова. В этом учебнике, например, включаются в одну синонимическую группу слова дом - хата - изба - палатка и др., обозначающие различные реалии. В “Словаре русских синонимов” Абрамова очень нередко объявляются синонимами произвольно объединенные группы слов (типичный пример: дерево - балка - бревно - дубина - былка - пол - пень головешка и еще другие подобным же образом подобранные слова).

Изучение истории синонимических групп слов, в частности, в сравнительно-историческом плане (известно, что состав компонентов и соотношение между этими компонентами одних и тех же синонимических групп даже в близкородственных языках далеко не всегда бывают одинаковыми) представляет собой одну из важных задач лексикологии.

Не менее ярким примером тесных семантических связей между словами являются антонимы, которые немислимы один без другого, без противопоставления значений, также, впрочем, как и немислимо существование отдельно взятого, ни с чем не сопоставляемого, изолированного синонима. Синонимические и антонимические отношения - два важных вида семантических связей слов в рамках той или иной лексико-семантической группы, однако, этими связями дело не ограничивается.

Существуют и другие, несомненно, разнообразные семантические взаимосвязи слов. Слова сказать и говорить не являются синонимами,

поскольку они обозначают хотя и очень близкие, но разные понятия и к тому же имеют в отдельных своих значениях различия по глагольному виду. Взаимозаменяемость слов (обычная при синонимах; в данном случае резко ограничена, если вовсе не невозможна. “Он отлично говорит по-русски” - вообще прекрасно владеет русской устной речью, а “он отлично скажет это по-русски” - произнесет речь, выскажется и т. п., пользуясь устной русской речью, в каком-либо конкретном случае. Оба слова, обозначая близкие понятия, дополняют друг друга так, что существование одного без другого в современном русском языке немыслимо. В то же время к сказать и говорить, обозначающих определенные исходные понятия, примыкают тесно связанные с ними рассказать, произнести, выговорить, разговаривать, болтать, молвить и др., дополняющие их в семантическом и стилистическом отношении.

Все эти слова составляют одну лексико-семантическую группу, в которой сказать и говорить являются опорными, доминирующими компонентами, поскольку они выражают основные значения. История данной группы слов весьма показательна для тех отношений, которые существуют в пределах той или иной лексико-семантической группы. В древне-русском языке, по крайней мере, в сфере письменности, наиболее распространенными словами из этой группы были речи и глаголати, тесно связанные между собою и отношениями глагольного вида. Если глагол речи несомненно широко употреблялся в устной речи, то глаголати был книжным лексическим элементом.

Кроме указанных слов древнерусские памятники знают молвити (обычно совпадающее по своему значению с глаголати), казати, сказати (со значениями рассказать, сообщить, поведать, передать, т. е. не совсем совпадающими со значениями речи), “описательное” поведати, редкое, впоследствии исчезнувшее деяти, говоривши (примерно однозначное глаголати, но обычное употребляемое в значении наговаривать на кого-либо, укорять) и др. Книжный характер глаголати привел к тому, что это

слово все более поддавалось напору разговорных молвити и говорить, причем последнее постепенно теряло свое частное значение укорять, наговаривать и все более выдвигалось в качестве слова с общим, основным значением. Вытеснение глаголати подорвало также позиции слова речи, которое было заменено словом сказать, постепенно получившим общее значение. Замена опорных слов способствовала в истории русского языка серьезной перестройке всех компонентов данной лексико-семантической группы.

Слова день и ночь в известной мере контрастны по своим значениям, но вряд ли являются в полном смысле антонимами, поскольку выступают как частные величины по отношению к слову сутки. Вместе с семантической контрастностью здесь выступают отношения видового к родовому, имеющие в данной лексико-семантической группе, ввиду ограниченности состава ее компонентов, существенный характер.

Отношения между словами сказать и говорить, день и ночь можно определить, как отношения такой непосредственной близости их значений, без которой немислимо само существование этих слов, по крайней мере, на определенном этапе развития языка. Это своего рода лексико-семантические сращения в языке.

Отношения между словами сказать и говорить, с одной стороны, и словами рассказать, разговаривать, выговорить, поговорить, произнести, болтать и другими им подобными можно определить, так отношения между близкими значениями, которые дополняют и уточняют друг друга, причем вторые и исторически, и по состоянию на данное время являются как бы производными от первых. Разумеется, речь здесь идет не о словообразовательной, а о семантической производности, поскольку к ведущим значениям могут примыкать значения, совсем не обязательно выражаемые однокорневыми словами. Лексико-семантического сращения в данном случае нет, но налицо семантическая зависимость вторых слов от первых, как, впрочем, и обратно. Без опорных слов не была бы выражена

общая семантическая идея лексико-семантической группы, а без производных слов эта идея была бы обеднена.

Отмеченных связей (связей собственно языковых) или вовсе нет в тематических объединениях слов, или они могут быть случайными, неустойчивыми, вызванными лишь какими-либо частными конкретными обстоятельствами. Впрочем, как уже было сказано выше, пропасти между тематическими и лексико-семантическими группами нет и не может быть.) Каждая лексико-семантическая группа имеет свою “тему”, но далеко не каждое классификационное объединение слов по той или иной теме представляет собою данное в самом языке объединение значений (синонимических, антонимических, взаимосвязанно-уточняющих и др.).

Основной, решающей причиной изменений в языке являются изменения в общественной жизни людей, поскольку язык непосредственно связан с производственной и всякой иной деятельностью человека. Проследить такого рода изменения в плане анализа лексико-семантических групп нагляднее всего можно на словах, обозначающих предметы. Обратимся к упомянутым выше нарицательным названиям населенных пунктов.

Семантическая зависимость слов друг от друга, их семантическая взаимосвязь предполагает наличие разных видов непосредственной близости, частичных, иногда и полных совпадений или противопоставлений лексических значений слов.

Строительство в нашей стране, особенно в деревне, обусловлю серьезные изменения в группе нарицательных названий населенных пунктов.

Такие слова, как посад, починок, выселок, слобода устарели и фактически перешли в категорию так называемых исторических терминов. Разница между селом и деревней теперь заключается лишь в том, что село - большое колхозное селение, а деревня - колхозное селение меньше села. Впрочем, и эта разница начинает стираться. Оба слова вступают в

синонимические отношения. Как было уже отмечено выше, особенно расширилось употребление слова поселок. Расширилось и его значение. Поселок - не только селение городского типа, которое при дальнейшем росте может стать городом (многие поселки, как известно, переименовываються в города). Ср. также совхозный поселок, поселок при МТС, поселок укрупненного колхоза и т. д.

Таким образом, зависимость значений слов друг от друга, от их места в группе, в которую они входят, непосредственная их семантическая близость, частичное или почти полное совпадение значений, возможность их взаимозаменяемости при определенных условиях - все это дает нам основание определять приведенные названия населенных пунктов как лексико-семантическую группу слов. Этот вывод подтверждается и сравнительно-историческими данными.

В ранних памятниках древнерусского литературного языка (XI-XIII ст.) употребляются нарицательные названия населенных пунктов: городъ (градъ), место, пригородъ, слобода, деревня. Прежде чем указать на семантические связи между этими словами, напомним об особенностях их значений и употребления. Слово городъ в древнерусскую эпоху сохраняет еще свое архаическое значение `огороженное укрепленное место?. Из этого значения развилось "крепость", ?укрепленная стенами и рвами центральная часть города?. По укреплению, крепости городом стало называться все городское поселение. Городъ - ?городское поселение в целом (вместе с крепостью)? в древней Руси явление очень раннее, о чем свидетельствуют многие факты. Двойственность значения слова городъ, как увидим ниже, сыграла значительную роль в изменениях, происшедших в анализируемой нами лексико-семантической группе слов. В отличие от слова городъ, весьма многозначное слово место в значении `городское поселение? употребляется редко, да и то в переводной литературе. Слово пригородъ, в отличие от современного русского языка, означало не населенный пункт, примыкающий к территории большого города, а город,

экономически и политически тяготеющий к главному городу феодальной земли (напр. Ладога - пригород Новгорода). Следовательно, слово пригорадь и в древнерусскую эпоху семантически зависело от слова городь.

Точное значение слова слобода по данным ранней письменности установить трудно. Это какое-то поселение, отличие которого от других неясно. Наиболее распространенным названием сельского населенного пункта являлось слово село (уменьшит, сельце). Синонимом ему выступало слово вьсь, которое уже в древнерусском литературном языке раннего периода имело ярко выраженный книжный характер. Оно обычно в переводных (почти исключительно церковных) текстах. Впрочем, мы не можем сказать с уверенностью, что слово вьсь уже вовсе не употреблялось в живой народной речи XI-XIII ст.

Таким образом, наиболее употребительными и “опорными” по своему значению словами в древнерусском языке были городь, село (и его книжный синоним вьсь). Противопоставление, точнее, различительное сопоставление слов городь и село (вьсь) было обычным явлением.

Как было указано выше, в древнерусской переводной литературе место являлось синонимом к слову городь, а в оригинальной литературе означало какое-то селение. Известно, что в феодальных городах большое значение имело наличие укрепленного центра, за стенами и рвами которого располагались предместья. Двойственность значения слова городь вызывала необходимость лексического уточнения, т. е. образования новых слов. Такие слова начали возникать довольно рано: детинець, псковск. кремь, кромь и др. - городская крепость. В южной Руси чаще всего для этого значения сохранялось слово городь. Городские постройки за стенами и рвами городской крепости постепенно начинают обозначаться словом место. Это слово затем стало в украинском языке (не без воздействия западнославянских языков, прежде всего польского, в которых семантический процесс протекал аналогично) обобщенным

нарицательным названием города. Так, развитие древнерусских слов городъ и место в их семантической взаимосвязи привело к разным результатам в русском и украинском языках, что нашло свое отражение в особенностях лексико-семантической группы нарицательных названий населенных пунктов в русском и украинском языке.

Слово погость, также распространенное главным образом в севернорусской письменности, было многозначным: ?селение?, волость ?округ?, ?церковь вместе с домами, земельным участком и кладбищем при ней?. Таким образом, оно входило в лексико-семантическую группу названий населенных пунктов только одним своим значением, и его связи с другими словами этой группы ока дались неустойчивыми, поэтому погость в конечном счете сохранило только последнее свое значение (позже разлилось также значение ?кладбище вообще?) и вошло в новую группу слов: кладбище, погост и др.

В результате длительного исторического развития лексико-семантическая группа нарицательных названий населенных пунктов хотя и сохранила общую основу в близкородственных русском и украинском языках, но имеет и некоторые различия как в своем словарном инвентаре, так и в значениях слов. Если брать основные слова этой группы, то получается: русск. город, поселок, селение, сем, деревня. Различия эти обусловлены историей самих обозначаемых реалий, но и не только этим, а и внутренним развитием самих языков: историей каждого отдельного слова.

Рассмотренные выше примеры, конечно, не могут исчерпать многообразия семантических связей слов в огромном количестве существующих и существовавших в русском языке лексико-семантических групп. Однако, как мне представляется, эти примеры проливают некоторый свет на некоторые особенности лексико-семантических групп слов в их отличии от тематических словарных объединений. Лексикосемантические группы слов представляют собой собственно

языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка. Слова, выражая свои собственные значения, в рамках одной лексико-семантической группы в то же время оказываются связанными между собой отношениями, не безразличными для их собственных значений. Это отношения синонимии, антонимии, всякого рода уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений и т. д., обусловленные разными причинами изменения этих отношений оказывают воздействие на развитие значения отдельного слова (значение расширяется, как можно видеть на примере слова смыть, так или иначе видоизменяется), на самый состав лексико-семантической группы и ее дальнейшую судьбу (рост или сужение количества компонентов группы или же ее распад, замена одних слов другими).

Основываясь только на анализе тематических объединений слов, языковед может делать разного рода выводы и предположения (например, о состоянии земледелия у древних славян), важные для исторического изучения языка, но у него не будет никаких оснований судить о внутренних закономерностях развития словарного состава. Анализ лексико-семантических групп слов, наоборот, дает возможность определять одну из важных внутренних закономерностей развития лексики.

Конечно, мы хорошо понимаем, что сказанного выше еще далеко недостаточно для решения поставленной здесь очень трудной проблемы, но, как нам представляется, и эти предварительные наблюдения и замечания могут оказаться полезными хотя бы для дальнейшего обсуждения вовсе еще не освещенного вопроса о сходстве и различии тематических и лексико-семантических групп слов.

Лексико-семантические группы слов, конечно, не изолированы друг от друга. Можно полагать, что связи между ними осуществляются двумя основными способами: во-первых, путем своеобразного параллелизма или соприкосновения всего круга значений одной группы с кругом значений

других групп; во-вторых, посредством разнообразных семантических связей одного члена группы с другими словами, не входящими в данную группу. Эти способы могут реализоваться и в комбинированном виде. Возьмем для примера группу горький-кислый-сладкий - слова, обозначающие вкусовые ощущения. С этими словами семантически несомненно связано слово вкусный. Однако, эта связь иного рода, чем связь между словами указанной группы. Вкусным (или невкусным, безвкусным) может быть и горькое, и кислое, и сладкое. Слово вкусный входит в группу: вкусный-безвкусный-невкусный-аппетитный-неаппетитный-лакомый (ср. лакомый кусок в прямом значении) и др.

Связи между этими группами лежат в разных семантических плоскостях, основываются не на сходстве или противоположности, а на смежности значений. Взаимозамещений, синонимических и антонимических отношений между словами этих различных групп не существует.

Семантические связи одного члена группы со словами, - не входящими в данную группу, существуют прежде всего благодаря общности значений многозначного слова и общности значений исходного (корневого) слова и его производных.

Если еще учесть многообразные образные употребления слов, возможности которых почти неограниченны, то становится еще более очевидным, насколько неверны представления о семантической изолированности слов, об отсутствии закономерностей в развитии словарного состава языка. От слова к слову, от одной лексико-семантической группы слов к другой протягиваются разнообразные смысловые нити. Весь словарный состав языка представляет собой обширное и сложное соединение слов и лексико-семантических групп слов, исторически сложившееся на основе семантических отношений и приобретающее огромное значение благодаря грамматике.

Как указано выше, семантические отношения между словами существуют также в связи с сохранением общности значений исходного (корневого) слова и его производных. Слово *бить* входит в лексико-семантическую группу *бить-колотить-ударять* и др. Его производное *битва*, сохраняющее с ним семантическую связь, является членом другой лексико-семантической группы слов: *битва-сражение-бой* и др. Все это совершенно очевидно. Однако, должно быть также очевидным, что лексико-семантическая группа слов и словопроизводное (“гнездовое“) объединение слов - явления различного порядка. Во-первых, распределение, слов одного и того же корня по разным частям речи обычно создает различные слова с неодинаковыми, лежащими не в одной семантической плоскости, значениями. Ср. *успевать* и *успех*, *следить* и *след*, *жарить-жара-жаркий* и т. д., и т. п. Лексико-семантические группы слов - слова, относящиеся к какой-либо одной части речи. Впрочем, соотношения наречий с прилагательными (*хороший-хорошо*, *тяжелый-тяжело* и т. д.), существительных и прилагательных типа *назойливый-назойливость* и ряд других соотношений аналогичного характера требуют специального рассмотрения.

Во-вторых, как известно, исходное (корневое) слово и его производные могут обозначать самые разнородные значения, развитие которых может привести и приводит к полному разрыву связей между ними. Если одно многозначное слово имеет разнородные, лежащие в разных плоскостях, значения (ср. “человек идет по улице” и “дело идет на лад”), то тем более это относится к словопроизводному объединению слов. Лишь в тех случаях, когда исходное и производное от него слово семантически однородны, положение оказывается иным. *Город* и *пригород* входят в одну лексико-семантическую группу. Ср. также *рука-ручка-ручища-ручонка-рученька* (значения этих слов имеют в своей основе одно понятие) и другие подобные же примеры.

Таким образом, лексико-семантические группы слов - лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями. Их не следует смешивать ни с грамматическими классами слов, ни с корневыми объединениями слов, ни с комплексом значений многозначных слов. От так называемых тематических объединений лексико-семантические группы отличаются семантической взаимозависимостью входящих в них слов. Исследование лексико-семантических групп слов, их исторического развития имеет важное значение для лексикологии во многих отношениях.

§ 2.2. Тематическое поле «дикие животные» в русском языке, основные классификации

Определение исконных значений слов с предметно-содержательной точки зрения, выяснение того, что они первоначально называли, наименованием чего были (предметов, признаков, вещей и т. д.), необходимо отнести к тому разряду лингвистических исследований, которые связаны с определением соотношения слова и вещи. А это лежит в основе изучения способов номинации: почему именно так был назван тот или иной предмет, с какими обстоятельствами его возникновения в языке необходимо ознакомиться и т. д. Наука об именах, о природе наименований, о средствах обозначения и их типах называется ономастикой. Основная цель ономастики - создание теории номинации, изучение средств и способов наименования отдельных элементов реальной действительности. Первичная номинация как древнейшее название тех или иных предметов или явлений связана с жизненным опытом человека, с его представлениями о каких-то признаках или свойствах предмета, существующих в реальной действительности, с необходимостью формирования определённого звукового комплекса, выражающего то ли иное значение при подобном наименовании.

Ещё Л.В. Щерба неоднократно подчёркивал, что в содержательные планы слов входят в том числе и идеологические компоненты,

обусловленные мировоззрением, менталитетными особенностями, характерными для данной этнокультурной общности. Своеобразный лексический фон слова отражает представления человека о том или ином предмете или явлении и связан с его обычаями, привычками и т. д. Вот почему история многих слов сохраняет воспоминания о прежних формах быта, производства, материальной и духовной жизни народа. Как писал И.И. Срезневский, «каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни; чего не было в жизни, для того не было и слова. Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое. Дополняя одно другим, они все вместе представляют систему понятий народа, передают быль о жизни народа» [1, с. 103].

Общение людей, как известно, происходит при помощи слов, которые являются немymi свидетелями изменений в жизни человеческого общества, отражая всё многообразие интересов, верований, нравов, обычаев, способов мышления людей. Как писал Ф.П. Филин, «слово всегда представляет собой неповторимую единицу: за каждым словом и его историей стоит целый мир» [2, с. 226]. При исследовании истории отдельных слов или группы слов необходимо обратиться, по мнению Ю.В. Откупщикова, к истории вещей, то есть, «не имея достаточно ясного представления о предмете, нельзя с уверенностью судить и о происхождении слова, которым этот предмет обозначается» [3, с. 151].

По мнению большинства лингвистов, в основе наименования того или иного предмета или явления часто лежит несущественный признак, случайно бросившийся в глаза в момент называния этого предмета или явления. Этот признак был назван внутренней формой слова. А. А. Потебня в своей работе «Мысль и язык» впервые ввёл термин внутренняя форма в лингвистику, объясняя, что «внутренняя форма слова есть

отражение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [4, с. 102].

Утрата внутренней формы - объективный и неизбежный процесс смыслового развития слова, отражающий диалектическое взаимодействие языка и мышления. Восстановить первоначальный признак, который лёг в основу наименования в пределах того или иного слова, и определить основы названия достаточно сложно. В силу случайности подобного признака перечислить все виды мотивации в языке практически невозможно, хотя самые основные из них восстановить с помощью лингвистического анализа представляется вполне реальным. Значительное количество названий различных предметов, явлений и живых существ возникло в языке на базе сходства с чем-либо по форме, цвету, запаху, часто по звучанию или какому-то иному признаку, случайно бросившемуся в глаза.

Примером подобных наименований могут служить самые разнообразные названия животных (и птиц как особого класса теплокровных позвоночных животных, тело которых покрыто перьями и передние конечности используются как органы полёта - крылья). Для пояснения специфики языкового сознания в отношении слова животное следует охарактеризовать объём этого понятия: «В быту под терминами "дикие животные", "домашние животные" часто понимаются только млекопитающие, иногда - лишь четвероногие наземные позвоночные (млекопитающие, пресмыкающиеся и земноводные). <...> В науке за термином животные закреплено более широкое значение, соответствующее латинскому *LttaNa*. Поэтому говорят, что к животным, помимо млекопитающих, относится огромное множество других организмов: рыбы, птицы, насекомые, паукообразные, моллюски, морские звёзды, всевозможные черви и т. д.» [5].

Что касается наименований собственно животных (в бытовом понимании), можно отметить тот факт, что в сознании носителей русского

языка они чётко подразделяются на две группы: домашние животные и дикие животные. Первая из этих групп характеризуется исключительной важностью для человека (основная часть домашних животных приносит человеку пользу, будучи источником пищи и материалов или помогая по хозяйству - в перевозке грузов, охране и т. п.), поэтому соответствующие зоонимы (корова, свинья, овца и под.) принадлежат к древнейшему пласту лексики.

Относительно диких животных необходимо упомянуть, что многие из их названий (лев, тигр, леопард и т. п.) носят заимствованный характер, поскольку место их обитания, как правило, относится к другим странам и континентам. Однако с точки зрения функциональных особенностей подобные зоонимы в русском языке подчинены общим правилам словоупотребления и словообразования. Причём любопытно, что именно в этом отношении наименования домашних и диких животных ведут себя по-разному. Так, названия детёнышей диких животных производятся с помощью стандартного суффикса -ат-: лвьята, тигрята, лисята и т. д. Названия же детёнышей домашних животных в большинстве случаев оказываются выделенными в этом отношении, поскольку характеризуются супплетивизмом (ср. свинья - поросята, лошадь - жеребята, собака - щенята и т. д.). Указанные различия связаны, безусловно, с очень древним стремлением отразить в языке особую значимость домашних животных в крестьянском хозяйстве.

Кроме всего прочего, именно названия диких животных прежде всего подвергались в языке процессам табуации, поскольку в сознании древнего человека произнесение зоонима вслух часто ассоциировалось с непременным появлением его носителя. А отсюда и замена исконных наименований так называемыми эвфемизмами, словами табу, которые чаще всего базировались на описательной основе, указывающей на какие-то признаки животного, нередко связанные с его особенностями и

постоянными действиями. Классическими примерами подобных наименований-табу, как известно, могут служить следующие:

медведь - 'тот, кто ест мед' (ср. лит. *lokys*): поскольку этого зверя опасались называть его настоящим именем, для него придумывали описательные наименования, одно из которых - медведь ('медоед');

волк - связано по происхождению с глаголом волочить (волк таскает, «уволокивает» домашний скот), то же в лит. *vilkas* при *vilkti* 'тащить, волочить'.

Аналогичную внутреннюю форму имеет слово хищный, которое восходит к глаголу хытити 'хватать, похищать' (т чередуется с щ, как в словах питать/пища).

Наименования животных первоначально были связаны с несколькими древнейшими признаками, бросившимися человеку в глаза в момент названия. Проиллюстрируем примерами важнейшие из этих признаков.

А) Номинация по месту или времени обитания

Это прежде всего такие названия, в фонетическом облике которых ещё сохранились какие-то древнейшие указания на место обитания животных, расположение нор и т. д. Например:

выдра - образовано некогда от той же основы, что и вода (ср. лит. *udra*), то есть первоначально слово имело значение 'водяная';

змея - от корня зьм-, то есть 'ползающая по земле';

ярка - наименование молодой овцы, которая родилась весной (от яро 'весна', ср. яровой 'весенний').

Б) Наименования по сходству

Песец (северная лисица семейства псовых) - это древнерусское производное от слова пёс 'собака' (первоначально значение этого слова 'подобный собаке').

Наименование черепаха образовано от череп по сходству костяного панциря с человеческим черепом или с черепками.

Косуля первоначально было образовано как уменьшительное от слова коза и выглядело как козуля. Некоторые исследователи считают, что здесь сыграла определённую роль народная этимология (сближение слова козуля с прилагательным косой).

В) Наименования по обладанию чем-либо

Корова - слово индоевропейского происхождения (ср. лит. *karvė*), связано с лат. *cornu* 'рог', то есть первоначально это 'рогатое животное'. Подобное происхождение имеет и слово серна, которое образовано от того же корня, но с перегласовкой е/о (ср. лат. *servus* 'олень'), то есть серна также первоначально 'рогатая' (III, т. 2, с. 280). Схожим значением обладает и название оленя - сохатый, которое образовано от соха (того же корня, что посох или сук в значении 'ветка, сук, рог').

Зубр - древнее прилагательное в краткой форме, образованное с помощью суффикса -р- от зуб (так же как доб > добрый). Древнее слово зуб имело более широкий круг значений, чем сейчас, и могло значить 'клык, шип, рог', то есть всё выступающее и острое. Зубр, следовательно, можно перевести как 'рогатый' (лит. *stumbras*).

Лягушка (животное, относящееся к классу земноводных) - первоначально 'маленькая лягуха'. Старое слово лягуха было образовано от некогда существовавшего ляга 'нога, бедро', поскольку у лягушки очень длинные задние ноги. В современном русском языке сохранились такие производные от слова ляга, как ляжка и лягать.

Г) Наименования по цвету

Слово белка связано с белым цветом, и, хотя белка рыжая, никакого противоречия здесь нет. В древнерусском языке этот зверёк назывался воверица (лит. *voveraitė*). Это название мы встречаем в тексте «Слова о полку Игореве», в плаче Ярославны, которая хотела обернуться «белой веверицей». Осенью, когда белка линяет, её мех становится светлым. Таких зверьков и называли бела в верица, а поскольку охотились именно

на них, от частого упоминания этого названия оно сократилось до бела, а потом дополнилось суффиксом -к-.

Рысь названа по рыжеватому оттенку шерсти. Слово рысь (древнейшее *ryds >рысь с упрощением согласных ds > s) производят от той же основы, что и руда, рьдеть и т. д. (ср. лит. rūdas 'рыжий').

Наименование олень произошло от ст.-сл. елень (ср. лит. élnias), родственного слову лань, это суффиксальное производное от той же основы, что др.-в.-нем. *elo 'бурый, желтый'. Животное названо по цвету шерсти.

Д) Наименования по признаку (виду, запаху, звуку и т. д.)

Хорёк - уменьшительная форма от хорь, которое в древнерусском выглядело как дъхорь (корень дъх- тот же, что и в словах дух, дохнуть, сдохнуть). Хорёк, как известно, - это зверёк, издающий неприятный запах.

Вол назван по своему большому размеру, что отражено в его названии, связанном с представлением о великом, большом. Ср. вол - велии - великий и т. д. с корнем, содержащим перегласовку е/о.

Крот - общеславянское слово, родственное лит. krutus 'подвижный' (польск. krot). По мнению Н.М. Шанского, это слово, восходящее к древнерусскому крьтъ, является суффиксальным производным от основы крь- 'копать, рыть' (лит. kertus 'землеройка'). Следовательно, крот - это 'копающая мышь' (VI, с. 157). По мнению П.Я. Черных, крот первоначально был связан с представлением о быстром движении, особенно под землёй (V, т. 1, с. 426).

Е) Наименования по действию

Заяц - уменьшительная форма от древнего зай (лит. zulkis). Это слово восходит к несохранившемуся глаголу со значением 'прыгать' (лит. zaisti).

Слово баран в древнерусском языке писалось как борань. Некоторые этимологи считают, что оно связано с древним индоевропейским корнем *bher-'резать' (для индоевропейских языков, к которым принадлежат и славянские, чередование е/о в корне было обычным). В древнерусском

языке баран назывался также другим словом - овень (лит. *avinas*). Любопытно, что название женского рода по отношению к мужскому баран представлено в русском языке лишь в осложнённом суффиксацией варианте - овца. Это слово распространено в русском языке с древнейших времён, его возникновение относят к IX - X вв. По мнению одних исследователей, данное слово является производным от овень [6, с. 210]. По мнению других, этимологические корни следует искать в общеславянском *ovika (лит. *avis*), которое, в свою очередь, восходит к индоевропейской основе. От слова баран образовано слово баранка: сначала так называли булочку, согнутую в форме бараньего рога.

Слово ёж, по мнению некоторых исследователей, восходит к и.-е. **egh-*'колоть'. Следовательно, наименование ёж (лит. *ezys*) значит 'колючий', 'с иголками'.

Крыса связана с глаголом грызть (в звонком варианте), то есть буквально это 'грызун'.

Удав - известное пресмыкающееся животное, названное так потому, что удав душит, давит своих жертв, обвиваясь вокруг них.

Уж - название пресмыкающегося животного (ср. лит. *angis*), родственное слову угорь (лит. *ungurys*), где начальное у-, как видно из литовских соответствий, восходит к носовому гласному (юсу большому - ж). При этом слово *ungurys* означало первоначально не только угря, но и червя, змею - извивающихся живых существ. Если учесть, что древнее сочетание ап- перед согласным в русском языке преобразовалось в у-, можно заметить сходство этого слова не только с литовским, но и с латинским *anguis* 'змея' и *anguilla* 'угорь'.

Ж) Наименования по звукоподражанию

Бык - родственник букашки. Оба этих слова основаны на звукоподражательном сочетании бы-, бу-, которыми древние индоевропейцы передавали гудение. На этом же сочетании было основано слово бьчела, которое постепенно превратилось в пчела.

Слово суслик образовано от общеславянского сусль при вышедшем из употребления глаголе звукоподражательного содержания сусати 'шипеть'.

Слово сурок заимствовано из тюркского сур, которое является звукоподражательным. Зверёк издаёт характерный свист, за что и получил в народе прозвище 'свистун'.

Названия некоторых животных с трудом поддаются анализу с целью определения внутренней формы. Необходимо привлечь к исследованию слишком древний материал для выявления тех изменений, которые произошли в семантике и структуре подобных слов. К примеру, частотные и продуктивные названия таких домашних животных, как кошка или собака, постоянно привлекают внимание лингвистов, но единого мнения по поводу их происхождения пока ещё в этимологии нет. Слова кот и кошка (первоначально котка > кошка) не только общеславянского, но и индоевропейского происхождения, о чём свидетельствуют соответствия типа лит. *katé*, англ. *cat* и т. д.; слово собака, по мнению большинства исследователей, является заимствованием из иранских языков. Определить внутреннюю форму подобных наименований, признак, лёгший в основу названия такого животного, не представляется возможным.

Правда, некоторые другие синонимичные названия этих животных могут быть определены с точки зрения внутренней формы. Так, наименование самки собаки сука образовано с помощью суффикса -к- от той же основы, что и литовское *suo* или латинское *canis*. Слово пёс общеславянского происхождения, его обычно соотносят с мотивирующим типом лат. *spesio* 'смотрю'. Следовательно, пёс первоначально - это 'тот, кто наблюдает, смотрит', то есть 'сторож'. Что же касается наименований пород собак, они, как правило, предельно прозрачны с точки зрения номинации. Так, слово овчарка указывает на древнюю профессию собаки: помогать пастуху пасти овец. Ищейка образовано некогда от ищца 'тот, кто что-либо ищет' при мотивирующем искать (ср. лит. *ieskoti*). Лайка -

название породы собак, которые своим лаем извещают хозяина о появлении дичи. Жучка - название (кличка) дворовой собаки, которая имела шерсть чёрной окраски и ассоциировалась по цвету с жуком.

С трудом поддаётся этимологизации слово конь. По мнению одних лингвистов, данное слово восходит к древнерусскому комонь, которое мы находим в "Слове о полку Игореве". При возможных чередованиях губных согласных это слово могло выглядеть как древнейшее *kohnjo, где $hn > n$ (отсюда и слово коб-ыла). П.Я. Черных связывает это слово с иным корнем, полагая, что здесь был возможен и другой губной типа $v-$ (отсюда kovnj-), следовательно, внутренней формой слова конь мог быть глагол ковать. Обычай ковать лошадей был перенят когда-то славянами у германцев (V, т. 1, с. 426). Любопытно, что название того же домашнего животного в литовском языке связано с глаголом arti (др.-рус. орати) 'пахать', откуда и слово arklus 'конь', то есть животное для пахоты.

Несколько иначе обстоит дело с наименованиями птиц, которые, как известно, также относятся к разряду животных. Птицы не играют такой же важной роли в жизни человека, как перечисленные выше животные. Однако несколько видов птиц (индейка, курица, гусь, утка и т. п.) люди используют в хозяйстве - для получения яиц, мяса, пера и пуха. Многие виды птиц (например, попугай, павлин, канарейка) были одомашнены как декоративные животные. Особую функцию в жизни человека выполняет голубь, который может служить и целям коммуникации в качестве почтового курьера.

При определении существенных признаков, которые легли в основу названия птиц, прежде всего приходится говорить о звукоподражании. Это ведущий и самый распространённый признак, по которому образуются их наименования. Любопытно, что некоторые птицы являются «родственниками», поскольку названы по одному и тому же признаку. Таким образом, к числу основных видов внутренней формы, которые

можно обнаружить в пределах наименований птиц, можно отнести следующие.

А) Наименования по звукоподражанию

Воробей назван так по звукам чириканья, это слово восходит к той же звукоподражательной основе (вър-), что и глагол ворковать.

Ворон - общеславянское слово, произведено от той же основы, что и воробей (лит. varnas).

Скворец - суффиксальное образование от той же звукоподражательной основы сквор (+ суф. -ьць-), что и воробей.

Жаворонок также назван по звукоподражательному признаку, образован от той же основы, что и сквор-ец (skvor-/ zavor-). Ср. польск. skowronek.

Гагара произведено от старого га-га, являющегося звукоподражанием.

Грач - суффиксальное производное от гракъ (кј > ч), образованного от звукоподражательного гра.

Дрозд назван по звукоподражательному дро + старый суффикс -зд.

Слово клёст образовано на базе звукоподражания с помощью суффикса -ст-от той же основы, что и глагол клев-ать (ср. клю-ю, клюв 'то, чем клюют, стучат').

Коростель - название птицы от звукоподражательного korst, обозначающего характерный звук, который птица издаёт при полёте.

Курица - образовано от существительного кур-а, м. род кур (ср. попасть как кур в ошип) с помощью суффикса -ица. Само слово кур - явное звукоподражание (ср. ку-ку, кукарекать).

Птица перепел названа по шуму при взлёте и издаваемым звукам типа пел-пел (в диалектах зафиксировано название этой птицы пелепел).

Иногда звукоподражательная основа при наименовании той или иной птицы изменилась в результате так называемой народной этимологии. Примером тому может быть синица, которая первоначально

получила название по характерному издаваемому ею звуку -зинь, и слово писалось как зиница. Затем птица изменила своё наименование либо по созвучию с прилагательным синий, либо по цвету оперения и стала называться синицей.

Чайка - образование с помощью суффикса -к- от звукоподражания чай-чай.

Чибис - образование от сочетания звуков типа чибичиви, воспроизводящего крик этой птицы.

Б) Наименования по цвету

Галка - общеславянское слово, производное от старого галь 'чёрный'. Названа так по цвету оперения.

Голубь - производное с суффиксом *Cb-, образованное от той же основы, что и жёлтый. Птица названа по цвету оперения (ср. диал. голубой 'жёлтый, серый'). Такого же происхождения слово соловей, некогда образованное от старого сольвь 'серый, желтоватый'.

Сойка названа по светлому, сверкающему оперенью и восходит к слову соя, образованному от той же основы, что и сиять, но с перегласовкой.

Происхождение названия селезень не совсем ясно. Считается, что птица названа по цвету, поскольку, видимо, её название восходит к сербохорв. слез 'мальва' (цвет оперения этой птицы подобен цвету мальвы).

В) Наименования по месту или времени обитания, появления

Канарейке название дано по месту её преимущественного обитания (Канарские острова), а само слово канарейка образовано от французского canari, восходящему к латинскому словосочетанию avis kanaris.

Название зяблик связано с глаголом зябти/зябнуть. Дело в том, что эта птица появляется ранней весной, когда наступают первые тёплые денёчки, но ещё не растаял снег, а улетает зяблик, когда первый снег уже покрывает землю, то есть в «зяблное» время.

Не вызывает сомнения, что название снегирь связано со словом снег. Снегирь прилетает к нам с севера вместе с первым снегом, заморозками.

Г) Наименования по признаку, сходству

Название глухарь связано с тем, что эта птица при токовании как будто бы ничего не слышит (ср. выражение глухая тетеря).

Горлица получила название по своему большому zobу (от существительного гърло > горло).

Наименование куропатка возникло на базе сложения двух основ: кур-а + пътка (от пъта 'птица', ср. пта-ха), то есть куропатка - 'птица, похожая на курицу'.

Слово орёл образовано от той же основы, что и греч. *ornis* 'птица' с помощью суффикса -ъл-, выражавшего увеличительное значение. Отсюда первоначально орёл - 'большая птица' (лит. *erėlis*).

Д) Наименования по действию

Слово дрофа произошло из древнейшего *dropu* (ср. польск. *drop*) в результате фонетических процессов: род. п. *dropve* > дрохва, хв > ф. Корень в слове дрофа тот же, что и в глаголе драпать. Отсюда дрофа - 'бегающая птица'.

Наименование дятел исторически связано с основой долбить (*delbtblb): *l* > *n*, *bt* > *t*, *en* > *§* > *a*, то есть дятел буквально - 'долбящий'.

Орнитоним ласточка образован от общеславянского слова ластва ('бегающая туда и сюда') с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса (ср. лит. *lakstyti* 'летать туда и сюда'). Полным синонимом этому названию птицы является диал. касатка - номинация, образованная уже по другому признаку: раздвоенному хвосту, похожему на косички.

Некогда название коршун было связано с исчезнувшей из языка глагольной основой (сохранившейся в авестийском языке) *kars-*, которая имела значение 'тащить, волочить', то есть коршун первоначально - 'таскающий, волочащий, вор'.

Стервятник происходит от слова стерва в значении 'падаль, мертвечина': это птица, которая питается падалью.

Стриж ассоциируется с глаголом стричь: птица в полёте как бы стриждёт крыльями воздух. Хотя этимологи полагают, что её название восходит к греч. strigs 'ночная птица'.

Цапля названа по глаголу цапать в значении 'семенить, неуклюже идти, шлёпать' и далее - 'хватать, цапать' с помощью суффикса j (nj > пл). Птица отличается своей неуклюжей походкой или способом добычи пищи.

Выводы по второй главе

Основываясь только на анализе тематических объединений слов, языковед может делать разного рода выводы и предположения (например, о состоянии земледелия у древних славян), важные для исторического изучения языка, но у него не будет никаких оснований судить о внутренних закономерностях развития словарного состава. Анализ лексико-семантических групп слов, наоборот, дает возможность определять одну из важных внутренних закономерностей развития лексики.

Конечно, мы хорошо понимаем, что сказанного выше еще далеко недостаточно для решения поставленной здесь очень трудной проблемы, но, как нам представляется, и эти предварительные наблюдения и замечания могут оказаться полезными хотя бы для дальнейшего обсуждения вовсе еще не освещенного вопроса о сходстве и различии тематических и лексико-семантических групп слов.

Таким образом, лексико-семантические группы слов - лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями. Их не следует смешивать ни с грамматическими классами слов, ни с корневыми объединениями слов, ни с комплексом значений многозначных слов. От так называемых тематических объединений лексико-семантические группы отличаются семантической взаимозависимостью входящих в них

слов. Исследование лексико-семантических групп слов, их исторического развития имеет важное значение для лексикологии во многих отношениях.

Для пояснения специфики языкового сознания в отношении слова животное следует охарактеризовать объём этого понятия: «В быту под терминами "дикие животные", "домашние животные" часто понимаются только млекопитающие, иногда - лишь четвероногие наземные позвоночные (млекопитающие, пресмыкающиеся и земноводные). <...> В науке за термином животные закреплено более широкое значение, соответствующее латинскому *Animalia*. Поэтому говорят, что к животным, помимо млекопитающих, относится огромное множество других организмов: рыбы, птицы, насекомые, паукообразные, моллюски, морские звёзды, всевозможные черви и т. д.» [5].

Что касается наименований собственно животных (в бытовом понимании), можно отметить тот факт, что в сознании носителей русского языка они чётко подразделяются на две группы: домашние животные и дикие животные. Первая из этих групп характеризуется исключительной важностью для человека (основная часть домашних животных приносит человеку пользу, будучи источником пищи и материалов или помогая по хозяйству - в перевозке грузов, охране и т. п.), поэтому соответствующие зоонимы (корова, свинья, овца и под.) принадлежат к древнейшему пласту лексики.

Таким образом, относительно диких животных необходимо упомянуть, что многие из их названий (лев, тигр, леопард и т. п.) носят заимствованный характер, поскольку место их обитания, как правило, относится к другим странам и континентам. Однако с точки зрения функциональных особенностей подобные зоонимы в русском языке подчинены общим правилам словоупотребления и словообразования. Причём любопытно, что именно в этом отношении наименования домашних и диких животных ведут себя по-разному.

ГЛАВА III. ПРОЦЕССЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ

§ 3.1. Особенности названий диких животных

В лесах России водится много диких животных. Слово «дикий», как считают ученые, того же корня, что и «диво», «удивляться»; в древнерусском языке даже было слово «дивий» в значении «дикий». В

символике России есть изображение барса. Ирбис, или снежный барс, или снежный леопард — крупное хищное животное. Окраска меха светлая дымчато-серая с кольцеобразными и сплошными тёмными пятнами. В настоящее время барс внесён в Красную книгу России, а также в охранные документы других стран. В 2010 году охота на ирбисов запрещена. Кроме научного наименования, ирбис имеет ряд местных названий. Узбеки называют его аладжи барс, калмыки — иргиз, татары — афганш, якуты — хахай, эвенки и тунгусы — куник, казахи — каплан, или каблан, в Семиречье — ильберс, в Кульдже — ирвиз, китайцы — пу-пи, японцы — тора, тувинцы — ирбит. В пушной торговле купцы именовали его ирбиз, что на тюркском языке соответствовало названию ирбис, или снежная кошка. Вероятно, поэтому сохранилось это двойное название — ирбис, или снежный барс. [7]

Древнее слово «волк» некоторые исследователи переводят как «разрывающий, терзающий» (близкие слова – «валить», «валить», «волна»; слово «волна» означает не только водяной вал, но и шерсть, оно сближается с древним индоевропейским корнем uel-, означающим «дергать, щипать, рвать». Другие исследователи считают, что слово «волк» связано с «волочить» (волк таскает, уволакивает домашний скот). «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел». В сказках славян чаще всего из зверей действует волк. Хитрость, ум, отвага серых хищников внушали не только страх, но и уважение. Недаром существовало в древности личное имя – Волк (до сих пор на Балканах мальчиков называют Вук, а у немцев – Вольф). Волк - зверь хищный. Слово «хищный» восходит к глаголу «хытити» - «хватать, похищать» (т // щ, как в словах питать/пища). От этого же слова с помощью суффикса «р» (как слово «старый» от глагола «стать») было образовано слово «хитрый». Первоначальное значение слова «хитрый» было «ворующий, похищающий» (лису называли хитрой именно потому, что она похищает кур у людей). Медведя в древности опасались называть его настоящим именем, чтобы он не появился, и поэтому

придумывали для него иносказательные названия, одно из которых – «медведь» - значило «тот, кто ест мед». «Сохатый» (лось) назван так за свои рога; его имя - однокоренное со словом «соха». Издавна соха представляла собой дерево с острым суком, вспарывающим землю, но первичное значение слова корня «сох» было «рог».

«Рысь» - рыжее животное. Первоначальная форма этого слова - *rydsъ*, с тем же корнем, что и «руда», «рдеть»; -с- - древний суффикс. За окраску шерсти получила своё название и лиса. Слово «лиса» образовано от «лис». До сих пор кое-где у нас бытуют слова «лессый» – желтоватый, «залисеть» – пожелтеть. «Заяц» - уменьшительная форма от древнего «зай»; это слово восходит к несохранившемуся глаголу со значением «прыгать».

Слово «белка» похоже на «белый». Но ведь белка - рыжая? Никакого противоречия тут нет. В древнерусском языке этот зверек назывался вьверица. Осенью, когда белка линяет, ее мех становится светлым. Таких зверьков называли бьла вьверица. Поскольку охотились именно на такую «бьлу вьверицу», от частого упоминания этого названия оно сократилось до «бьла», а потом дополнилось суффиксом -к-. Очень древнее слово «бобр» родственно слову «бурый». Как и немецкое *Bar* («медведь»), оно называет зверя по цвету его шерсти. Удвоение «б» в слове «бобр» произошло еще в индоевропейском языке. «Хорек» - уменьшительная форма от «хорь», в древнерусском это слово выглядело как «дъхорь» - корень «дъх» тот же, что и в словах «дух», «дохнуть», «сдохнуть». Хорек, как известно, очень вонючий зверек; таким образом, его название можно перевести как «вонючка» («душной»). «Песец» - древнерусское производное от слова «пес» - «собака»; первоначально это слово значило «подобный собаке». [6] Конечно, список представленных в исследовании названий животных, которые живут на территории Хакасии, невелик, но после выступления перед одноклассниками некоторые заинтересовались

темой, поэтому работа будет продолжена. Таким образом, образование названий животных можно представить следующим образом:

1. Слова-названия пришли в современный язык из древнерусского и иностранных языков (заимствованы).

2. Произошли с помощью

- звукоподражания;
- морфем (чаще суффиксов);
- чередования букв в корне;
- сходства с предметами, другими животными;
- сходства цвета шерсти, окраса шерсти.

§ 3.2. Метафоричное использование названий диких животных и их роль в создании русской языковой картины мира

Как справедливо отметил Ю.Д. Апресян, «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира» [Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С.12-19.1, с. 12]. Мысль о существовании особого языкового мировидения была сформулирована В. Гумбольдтом еще в начале XIX в. [2] Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В.фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 1985. 412 с.. В настоящее время положение о том, что в языке находит отражение картина мира, перешло в разряд общепризнанных. Права В.А. Маслова, говоря о том, что «важным обстоятельством является разграничение универсального человеческого фактора и национальной специфики в различных языковых картинах мира» [Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. М.: Академия, 2001. 280 с.5, с. 144]. Взаимосвязь национального языка и национальной культуры рождает коннотацию слова. Для каждого языка характерно возникновение специфических коннотаций. У одного и того же концепта в разных культурах могут быть различные коннотации.

В магистерской диссертации проведен сравнительно-сопоставительный лингвокультурологический анализ переносных значений и коннотаций слов, являющихся названиями диких животных и насекомых в русском языке.

В русском языке слово «тварь», имеющее основное значение «живое существо» (ср.: твари земные), в переносном значении употребляется для обозначения подлого, мерзкого человека и характеризуется пометой «бранное» (ср.: Ах ты, тварь!) [Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988.10, т. 4, с. 52]. Слово «зверь» употребляется, когда речь идет о жестоком человеке (ср.: Ну и зверь! Зверство. Звериная ненависть). В русском фольклоре это слово может служить нейтральным обозначением любого человека (ср.: Это травленный зверь - о бывалом человеке. На ловца и зверь бежит.) [4, т. 1, с. 95].

С медведем в русской языковой картине мира ассоциируются такие качества, как сила (ср.: Богатый силен, что медведь), хищность (В лесу медведь, а в дому мачеха. От волка ушел, на медведя напал. Двум медведям в одной берлоге не ужиться), неуклюжесть (Поворотлив, что медведь - ирон. Медвежьи объятия - шутол. о неуклюжих, неловких, тяжелых объятиях) [Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. М.: Худож. лит., 1984.3, т. 2, с. 48]. Образу медведя в русском фольклоре присуща брачная символика, символика плодovitости. На свадьбе, чтобы заставить молодых поцеловаться, говорили: «Медведь в углу!». «Петра Ивановича люблю», - отвечала невеста, называя жениха по имени-отчеству, и целовала его.

Волк в русской культуре является символом хищника. Ср.: Волчий закон (беззаконие, опирающееся на грубую силу). Плохо овцам, коли волк в пастухах. Смотрит, как волк на теля. Коза с волком мирилась, да назад не воротилась. С волком ассоциируются такие качества, как неукротимость, неукротимость (Как волка ни корми, все в лес смотрит. Счастье, что волк:

обманет да в лес уйдет), угрюмость (волком смотреть - угрюмо, враждебно) [Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. М.: Худож. лит., 1984.3, т. 1, с. 46]. Слово бирюк обозначает нелюдимого человека [Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988.10, т. 1, с. 21]. В русском языке в последнем значении употребляется слово «кобель».

Лиса во всех проанализированных нами языках является символом хитрости. Ср.: (рус.) Хитрый как лиса. Лисий взгляд (хитрый), (В русском языке с лисой ассоциируются и такие качества, как льстивость, угодничество. Ср.: Опять эта лиса подъезжает ко мне с уговорами. («В глаза - лисица, за спиной - змея» (о льстивом и коварном человеке) [12, с. 62].

С.М. Толстая отметила, что «у славян с такими пушными зверями, как ласка, горноста́й, куница, барсук, белка, выдра, соболь связаны любовные мотивы, мотивы брака, а также прядения и ткачества. У южных славян невесту или молодуху в свадебных песнях называют лаской, у западных украинцев - ласицей. В русских свадебных песнях жених «водою ходил да рыбой-щукою, по поднебесью летал да ясным соколом, по подземелью ходил белым горностаем». В русских сказках по спящим мужу и жене бегают горноста́й, да ласкается между ними или куница перескакивает с мужа на жену, с жены на мужа. У русских в роли пряжи и ткачихи представлена «горноста́йка» - персонаж сказов об ивановских ткачах. Известны свадебные песни о кунице, скачущей по ткацкому стану или играющей с соболями на ткащемся полотне. В загадках челнок загадывается как летающий барсук или скачущая в воде выдра. Русские считают, что белка, увиденная во сне, предвещает мужчине увлечение женщиной легкого поведения» [Славянская мифология: энциклопедия / под ред. С.М. Толстой. М.: Языки славянской культуры, 2005. 832 с.9, с. 87]. Известен фразеологизм «вертеться как белка в колесе», имеющий значение «суетиться, быть в постоянных хлопотах». В русских песнях и

сказках часто упоминаются также «брови соболиные» - густые, считающиеся красивыми.

Заяц в русской языковой картине мира является символом трусости (ср.: Труслив как заяц. Заячья натура - трусливая. Похотлив, что кот, а роблив, что заяц. Вор, что заяц: и тени своей боится) [Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. М.: Худож. лит., 1984.3, т. 1, с. 118]. В хороводных песнях заяц предстает женихом, выбирающим себе невесту [8, с. 115]. Подблюдная песня о зайце, попавшем в ловушку, предвещает свадьбу [8, с. 94]. Вместе с тем в народных представлениях заяц тесно связан с нечистой силой. Согласно некоторым поверьям, заяц создан чертом и служит ему или лешему. В виде черного зайца может появиться домовый [9]. Представлением о зайце как существе «нечистом» объясняются запрет употреблять в пищу мясо зайца и примета о том, что заяц, перебежавший дорогу или встреченный в пути, сулит человеку несчастье. Прыткостью зайца мотивирована ассоциативная связь его с огнем. О свечении синих огоньков пламени на тлеющих углях говорят: «Зайка по жару бегают». Словами «заенька», «зайко» в русских говорах называют огонь в разговоре с детьми [Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. М.: Худож. лит., 1984.3, т. 1, с. 122]. Зайчиками называют солнечные блики, а также в тюремном жаргоне спички. В современном русском языковом сознании наиболее популярен образ трусливого зайца. С этим мотивом связаны заяц как персонаж мультфильмов, анекдотов, карикатур и название зайцем безбилетного пассажира или дезертира. В русском языке в этом значении употребляется слово «щенок».

Лев в русской культуре является символом храбрости, силы, лидерства. Ср.: (рус.) Сражается как лев кто-н. (храбро). Львиная доля (большая и лучшая часть чего-н.). Светский лев (человек высшего света, пользующийся в нем большим успехом)

Слово обезьяна в русском языке используется для обозначения человека, склонного к подражанию другим, передразниванию других, любящего гримасничать, кривляться (ср.: По-обезьяньи вести себя). Это же слово может употребляться для обозначения человека с очень некрасивой, уродливой внешностью (Н-р: Господин поручик, вот эта обезьяна требует свидания с капитаном Липеровским. Лавренев, Дым) [Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988.10, т. 2, с. 131].

Черепашка во всех проанализированных нами языках является символом медлительности. Ср.: (рус.) Тащиться (плестись) как черепаха.

Слово «тюлень» в русском языке используется для обозначения неуклюжего, неповоротливого, малоподвижного человека. [6, с.185].

В традиционной народной культуре выделяется особый класс хтонических животных, называемых гадами. К гадам относятся пресмыкающиеся (змеи, ящерицы), земноводные (жабы, лягушки), насекомые (мухи, оводы, слепни, комары, мошка, вши, блохи, пауки, клопы), мыши, черви, гусеницы, змееподобные рыбы (вьюн, угорь). Слово «гад» в русском языке является бранным и используется для обозначения отвратительного, мерзкого человека. Ср.: Как ты смеешь показываться мне на глаза, гад?

Слово «червь» в русском языке используется для обозначения ничтожного человека, вызывающего презрение. Ср.: Ах ты, червяк!

В русском языке слово «жаба» употребляется для обозначения некрасивой женщины (ср.: Баба, что жаба.) [Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. М.: Худож. лит., 1984.3, т. 1, с. 56].

Муха в русской языковой картине мира ассоциируется с назойливостью (Назойлив, как муха), ворчливостью (Брюзжит, как муха в осень), слабостью (Мухи не обидит - о кротком, безобидном, смирном человеке. Закон, что паутина -шмель проскочит, а муха увязнет).

Слово «жук» в русском языке в переносном значении обозначает ловкого человека, плута и характеризуется пометой «неодобрительное» [Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988.10, т. 3, с. 83].

Слово «паук» в русском языке используется для обозначения хищного, злого, агрессивного человека (Ср.: Пауки в банке - о хищных, злых людях, борющихся друг с другом.). Известны выражения «паучьи сети», «паутина заговора», «опутать паутиной лжи».

Мышь в славянском народном представлении - «нечистое» животное, считающееся созданием дьявола. Невзрачную женщину русские называют «серая мышка». Фразеологизм «мышинная возня» обозначает мелочные бесполезные хлопоты.

Таким образом, одни и те же названия коннотируют различные признаки, что свидетельствует об этнической специфике мировосприятия, находящей отображение в русской языковой картине мира.

Выводы по третьей главе

Таким образом, способы образования названий животных можно представить следующим образом:

1. Слова-названия пришли в современный язык из древнерусского и иностранных языков (заимствованы).

2. Произошли с помощью

- звукоподражания;
- морфем (чаще суффиксов);
- чередования букв в корне;
- сходства с предметами, другими животными;

- сходства цвета шерсти, окраса шерсти.

Как справедливо отметил Ю.Д. Апресян, «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира» [Апресян Ю.Д. Образ человека по данным

языка: Попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С.12-19.1, с. 12]. Мысль о существовании особого языкового мировидения была сформулирована В. Гумбольдтом еще в начале XIX в. [2] Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В.фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 1985. 412 с.

В настоящее время положение о том, что в языке находит отражение картина мира, перешло в разряд общепризнанных. Права В.А. Маслова, говоря о том, что «важным обстоятельством является разграничение универсального человеческого фактора и национальной специфики в различных языковых картинах мира» [Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. М.: Академия, 2001. 280 с.5, с. 144].

Следовательно, взаимосвязь национального языка и национальной культуры рождает коннотацию слова. Для каждого языка характерно возникновение специфических коннотаций. У одного и того же концепта в разных культурах могут быть различные коннотации.

В магистерской диссертации проведен сравнительно-сопоставительный лингвокультурологический анализ переносных значений и коннотаций слов, являющихся названиями диких животных и насекомых в русском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование семантической структуры тематического поля наименований диких животных в русском языке позволяет сделать следующие выводы:

1. Наименования диких животных представляют собой исторически сложившуюся тематическую группу в лексике русского языка, состоящую из разнородных по происхождению и использованию единиц: наименования, унаследованные от праславянского и древнерусского языков; собственно русские новообразования; наименования, заимствованные из других языков; устаревшие, вышедшие из употребления названия; названия литературные, общеупотребительные и диалектные; названия терминологические, употребляемые лишь в специальной зоологической литературе.

К праславянскому лексическому фонду (индоевропейские по происхождению, балтославянского характера, собственно праславянские, пра-славянские заимствования) восходит около четверти исследуемых наименований (41 лексема из 182 анализируемых); это наименования общеупотребительные, литературные и устаревшие, вышедшие из употребления, наименования терминологические и диалектные. Общевосточнославянские наименования, восходящие к лексике древнерусского языка, составили менее 8% (14 лексем).

Наиболее заметной частью описываемой лексической группы являются наименования диких животных, появившиеся в языке в собственно русский период. Это зоонимы как общерусского распространения, литературные, так и терминологические, употребляемые преимущественно в зоологической литературе.

Значительная часть русских названий диких животных является дериватами от исконно славянских лексем. Исконно русские наименования созданы при помощи различных словообразовательных типов, основными

из которых являются суффиксация и сложение основ (интерфиксация, сложносуффиксальный способ).

Иноязычная лексика, проникшая в русский язык преимущественно книжным путем в новое время, когда познание большого мира происходило через книги. Среди заимствованных лексем наибольшая доля приходится на тюркизмы и заимствования из французского, немецкого и английского языков.

В названиях диких животных, от восходящих к праславянскому лексическому фонду до собственно русских, отчетливо прослеживается тенденция в обозначении "семейство - род - вид". Наименования, праславянские по происхождению, послужили базой для формирования русской зоологической номенклатуры и в основном являются названиями семейств и родов. В древнерусский период начался процесс видового различения животного мира в пределах одного семейства и рода, который особенно интенсивно происходил в собственно русский период формирования языка.

Среди анализируемых наименований диких животных отмечены опорные лексемы, у которых установлен мотивационный признак. Некоторые из них сохранили связь с первоначальным принципом номинации, т.е. в современном языке они структурно мотивированы. Среди общего состава мотивированных названий большинство относится к собственно русскому периоду.

Большинства терминов мотивированы собственными свойствами животных: по характерному признаку, - звукоподражательные. Нами отмечено 7 принципов номинации в русской зоонимике, из них релевантными являются: названия по форме, по окраске, по способу передвижения и поведению. Отмечены также мотивационные признаки по запаху, по характеру питания, по месту обитания, по времени наибольшей суточной активности.

Некоторая часть русских названий диких животных образована по принципу косвенной номинации: метафорические; термины, возникшие в результате народно-этимологического переосмысления; эвфемистические наименования; наименования, связанные с религиозно-мифологическими преданиями.

В праславянский период преобладает образование исконно праславянской лексики с незначительным усвоением заимствованных слов; в древнерусский период наблюдается минимальное образование зоологической номенклатуры, а в дальнейшем резко возрастает количество заимствований. Это связано с интенсивным взаимодействием культур и народов, развитием письменности, географическими открытиями и формированием научной терминологии. Следует отметить, что, несмотря на преобладание заимствованных слов, образование исконно русских зоологических терминов также имеет тенденцию к увеличению. Это свидетельствует не только о развитии лексической системы русского языка за счет внешних факторов, но и о внутренней устойчивости его развития и стремлении к самосохранению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абишева К.М. Категоризация и ее основные принципы // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 21-31.
2. Аверина М.А. Компонент-зооним в составе фразеологизмов русского и английского языков // Филология и литературоведение. – 2014. – № 9. – Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2014/09/927>.
3. Аквазба Е.О. Денотативное и коннотативное значение слова в художественном тексте (на материале лексики растительного и животного мира в произведениях М.М. Пришвина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Аквазба Екатерина Омаровна. – Тюмень, 2004. – 24 с.
4. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания. – М.: Академия, 2005. – 672 с.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995а. – 472 с.
6. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995б. – № 1. – С. 37–67.
7. Апресян Ю.Д. Идеи и методы структурной лингвистики (краткий очерк). – М.: Просвещение, 1966. – 304 с.
8. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 256 с.
9. Апресян Ю.Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии / Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М., 2006. – С. 33-74.
10. Апресян Ю.Д. Исследование по семантике и лексикографии. Том 1. Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.

11. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
12. Бабина Л.В. Вторичная репрезентация концептов языке: Дис. ... дра филол. наук: 10.02.04; 10.02.19 / Бабина Людмила Владимировна. – Тамбов, 2003. – 341 с.
13. Бабина Л.В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 86-91.
14. Бабина Л.В. Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 128-149.
15. Бабина Л.В. К исследованию оценочного потенциала производных слов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. – С. 31-34.
16. Бабушкина О.Н. Механизмы оценочной категоризации профессиональной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – №2. – С. 31-41.
17. Балабанова А.В. Зоонимическая лексика в художественном дискурсе Е.И. Носова: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Балабанова Альбина Владимировна. – Курск, 2008. – 18 с.
18. Башарина А.К. Понятие «семантическое поле» // Вестник СевероВосточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2007. – Т. 4. – № 1. – С. 93-96.
19. Белау М.Ю. Глагольная таксономическая модель концепта «Самостоятельное перемещение субъекта» в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Белау Максим Юрьевич. – Тамбов, 2009. – 19 с.
20. Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л.В.

Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 82-155.

21. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.

22. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва-Воронеж, 2002. – С. 103-114.

23. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-35.

24. Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею проф. Н.Н. Болдырева. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 16-40.

25. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-23.

26. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Вып. IV. – С. 25-77.

27. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 31. – С. 11-16.

28. Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: Коллектив. монограф. – М: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2012. – С. 17-120.

29. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013а. – № 1. – С. 5-14.

30. Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. XV. Механизмы

языковой когниции: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013б. – С. 12-21.

31. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014а. – 236 с.

32. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014б. – № 6. – С. 118-122.

33. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 5-12.

34. Болдырев Н.Н. Когнитивная природа языка: сборник статей / Н.Н. Болдырев. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016а. – 251 с.

35. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016б. – № 4. – С. 10-21.

36. Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 19-78

37. Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 5-14.

38. Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. – № 2. – С. 7 -16.

39. Болдырев Н.Н., Чистякова Е.В. Оценочный потенциал ландшафтной лексики современного английского языка // Вестник Тамбовского университета. – 2012. – № 7. – С. 22-27.

40. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5-13.
41. Боркин Л.Я. Карл Линней (1707-1778) как зоолог // Труды Зоологического института РАН. – 2009. – Приложение № 1. – С. 9-78.
42. Бочкарев А.Е. О факторах понимания как условиях интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4. – С. 103-107.
43. Бояркина Л.М. Репрезентация концепта «ЧЕЛОВЕК / ЛИЧНОСТЬ» средствами разных языковых уровней в современном английском языке (на материале зоонимов и фитонимов): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Бояркина Людмила Михайлова. – Тамбов, 2010. – 23 с.
44. Бучило Н.Ф. История и философия науки: Учебное пособие / Н. Ф. Бучило, И. А. Исаев. – Москва: Проспект, 2014. – 432 с.
45. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. – № 5. – С. 105-113.
46. Ватлецов С.Г. Систематика зооморфной лексики и ее англо-русская эквивалентность: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Ватлецов Сергей Германович. – Нижний Новгород, 2001. – 278 с.
47. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В.Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
48. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
49. Ганичева С.А. Русские глаголы-зоофоны в структурносемантическом и лингвогеографическом аспектах: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Ганичева Светлана Алексеевна. – Вологда, 2016. – 23 с.

50. Гольдберг. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка (на материале русского и английского лексико-фразеологического поля «Биологическое существование человека»): Монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – 232 с.

51. Гольдберг В.Б. Компаративные словосочетания и компаративная категоризация как отражение познания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 71-80.

52. Гольдберг В.Б. Отражение семиотического и концептуального этапов познания в образном сравнении // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 25-33.

53. Гольдберг В.Б. Образное сравнение как модель интерпретации действительности // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 244-285.

54. Горбенко М.В. Стереотипы восприятия зоонимов в межкультурных коммуникациях (на примере диаспор г. Костаная): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Горбенко Марина Валериевна. – Челябинск, 2009. – 27 с.

55. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М: Прогресс, 1984. – 400с.

56. Гусева А.Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексикофразеологических полей в немецком и русском языках: Дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Гусева Алла Ефимовна. – Москва, 2008. – 489 с.

57. Дейк ван Т.А, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153-211.

58. Дементьева А.Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов (на материале английского, русского и французского языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Дементьева Алеветина Геннадьевна. – Тамбов, 2012. – 185 с.

59. Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложение в вычислительной лингвистике. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 76 с.

60. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: Автореф. ...д-ра филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Денисова Галина Леонидовна. – Самара, 2009. – 36 с.

61. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: Дис. ...д-ра . филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Денисова Галина Леонидовна. – Тольятти, 2013. – 482 с.

62. Деннет Д.С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. Перевод с англ. А. Веретенникова / Под общ. ред. Л.Б. Макеевой. – М.: ИдеяПресс, 2004. – 184 с.

63. Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч.: в 6 т. / под общ. ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – Т.1. – 762 с.

64. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы // Собр. соч.: в 6 т.– М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – Т.4. – 531 с.

65. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. – М.: 1960. – С. 264-389.

66. Заботкина В.И. Антропоцентрический принцип как методологическая основа когнитивных исследований // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. XXX. – С. 51-54.

67. Завалишина Ю.Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремиологии в аспекте этнического менталитета: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Завалишина Юлия Геннадьевна. – Курск, 1998. – 220 с.

68. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М.: Просвещение, 1964. – 464 с.

69. Зигель Ф.Ю. Сокровища звездного неба: Путеводитель по созвездиям и Луне. 5-е изд. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. – 296 с.

70. Иванищева О.Н., Жданова И.И. Толерантный дискурс в современном обществе: учебное пособие / О.Н. Иванищева, И.И. Жданова. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 2017 с.

71. Инкуй Ч. Русские зоонимы в комплексном лингвистическом рассмотрении: Автореф. дисс. ...канд. фил. наук: 10.02.01. – русский язык / Чжэн Инкуй. – М., 2001. – 22 с.

72. Карам Р.А. Структура и семантика зоокомпонентов в русском языке (словообразовательный аспект): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01– русский язык / Карам Рахим Али. – Елец, 2010. – 28 с.

73. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Науч. дра л. высш. школы. Филол. науки, 1972. – № 1. – С. 57-68.

74. Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №2. – С. 90-100.

75. Кодухов В.И. Общее языкознание: учебник для студентов филол. специальностей. – М.: Высшая школа, 1974. – 303 с.

76. Кодухов В.И. Введение в языкознание: учеб. для студентов пед. интов по спец. № 2101 Рус. яз. и лит. – 2.е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 288 с.

77. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

78. Костина Н.Ю. Русские и английские названия птиц: опыт системносопоставительного описания: монография / Н.Ю. Костина. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2012. – 164 с.

79. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для студ. лингв, фак. высш. учеб. заведений / Максим Анисимович Кронгауз. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 352 с.

80. Кубасова А.О. Образная характеристика человека в румынском языке через сравнения с животными и зоометафоры (лексико-семантический анализ): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 – романские языки / Кубасова Анна Олеговна. – СПб., 2008. – 173.

81. Кубрякова Е.С. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: РАН ИЯ, 1997. – 314 с.

82. Кубрякова Е.С. О концепте «контейнера» и формах его объективации в языке // Изв. РАН, СЛЯ, 1999. – Т. 58. – № 5-6. – С. 3-12.

83. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – Вып. 1. – С. 4-10.

84. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

85. Кунин А.В. Английская фразеология. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.

86. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.

87. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Куренкова Татьяна Николаевна. – Красноярск, 2008. – 258 с.

88. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

89. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. Женщины, огонь и опасные предметы // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 143-184.

90. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.:Прогресс, 1988. – С. 12-51.
91. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
92. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиторал УРСС, 2004. – 256 с.
93. Лапшина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте: Дис. ... д-ра . филол. наук: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика / Лапшина Марина Николаевна. – СПб., 1996. – 331 с.
94. Лапшина М.Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). – СПб.: Изд-во СанктПетербургского университета, 1998. – 159 с.
95. Лапшина М.Н. Когнитивная ценность зоометафоры // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по материалам XXXII междунар. науч.-практ. конф. №3 (25). – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. С. 102-107.
96. Литвин Ф.А. Зооморфизмы в синтаксической функции определения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1975. – С. 20-28.
97. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. – М.: Наука, 1984. – 117 с.
98. Лурия А.Р. Язык и сознание. / Под редакцией Е.Д. Хомской. – М.:Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
99. Магировская О.В. Вторичная номинация концепта в современном английском языке (на материале пословиц и загадок): Дис. ...канд. филол.наук: 10.02.04 – германские языки / Магировская Оксана Валериевна. –Красноярск, 2001. – 180 с.

100. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: Дис...д-ра. филол. наук: 10.02.19 – теория языка, 10.02.04 – германские языки / Магировская Оксана Валериевна. – Тамбов, 2009. – 351 с.

101. Магировская О.В. Антропоцентрический принцип организации дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX. – 2017. – С. 68-70.

102. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

103. Мелихова Д.И. Интерпретирующие признаки форматов перцепции и наблюдения лексической категории «собаки» (на материале русского и английского языков) // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXV. – С.738-744.

104. Метельская Е.В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах (на материале зоонимов английского и русского языков): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Метельская Елена Владимировна. – Пятигорск, 2012. – 26 с.

105. Миронова И.В. Микросистема зооцентрических обозначений человека и его действий в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Миронова Ирина Владимировна. – Тамбов, 2000. – 175 с.

106. Москаленко А.В. Концепт «птица» в английской фразеологической картине мира: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Москаленко Анна Валерьевна. – Санкт-Петербург, 2015. – 230 с.

107. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М.: Высш. шк., 1987. – 288 с.

108. Орехова Ю.С. Анималистическая литература Франции: традиции и их трансформации в творчестве С.-Г. Колетт: Дис. ...канд. фил.

наук: 10.01.03. – литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская) / Орехова Юлия Сергеевна. – Калининград, 2008. – 199 с.

109. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логикофилософский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

110. Палкин А.Д. Образ мира и картина мира: о необходимости терминологического различения // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 3. – С. 99-108.

111. Панасенко Л.А. Проблема моделирования интерпретирующего потенциала лексических категорий (на материале категории «птицы» в английском языке) // Вестник ТГУ. – 2012. – № 4. – С. 257-264.

112. Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: Дис. ...д-ра. филол. наук: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19. – теория языка / Панасенко Людмила Александровна. – Тамбов, 2014. – 351 с.

113. Панасенко Л.А. Матричная структура знания как основа реализации интерпретирующего потенциала лексических категорий // Когнитивные исследования языка. – 2015а. – Вып. XXIII. – С. 493-501.

114. Панасенко Л.А. Субкатегориальная организация лексической категории как ее интерпретирующий потенциал (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. – 2015б. – Вып. XXI. – С. 102.

115. Панасенко Л.А. Интерпретирующие форматы знания лексических категорий: формат наблюдения // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX. – 2017 – С. 78-81.

116. Панасенко Л.А. Когнитивные основания интерпретирующего потенциала лексических категорий // Интерпретация мира в языке: коллективная монография коллективная монография / Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 218-241.

117. Панасенко Л.А., Мелихова Д.И. Аналогия как фактор антропоцентричности интерпретирующего потенциала лексической

категории «Млекопитающие» (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12. – Ч. 4. – С. 138-143.

118. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

119. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. – М., 1959. – 145 с.

120. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 408 с.

121. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.

122. Потебня А.А Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с.

123. Пуцилева Л.Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (на фоне итальянского языка): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Пуцилева Лариса Филипповна. – СПб., 2009. – 17 с.

124. Серебренников Б.А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 602 с.

125. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 242 с.

126. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И., Телия В.Н., Уфимцева А.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

127. Сидорова Ю.Е. Textoобразующий потенциал зоонимов (на примере концепта «кот»): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Сидорова Юлия Евгеньевна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 26 с.

128. Скикевич Т.И. Формирование лексической группы названий диких животных в русском языке: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук:10.02.02. – русский язык / Скикевич Татьяна Ивановна. – Минск, 1998. – 18 с.

129. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993–152 с.
130. Соколова М.В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.20. – сравнительноисторическое, типологическое и сопоставительное языкознание / Соколова Марина Валерьевна. – Чебоксары, 2015. – 24 с.
131. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского, и немецкого языков этносемантическом аспекте: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Солнцева Наталья Владимировна. – Омск, 2004. – 36 с.
132. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 1999. – 432 с.
133. Тишкина Д.А. Фразеологические единицы с компонентомзоонимом в английском и русском языках: сопоставительный анализ: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.20. - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Тишкина Диана Алексеевна. – Казань, 2008. – 23 с.
134. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 288 с.
135. Уфимцева А.А. Лексическое значение. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
136. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследования в чест на акад. Стефан Младенов. – София: Българ. акад. на науките, 1967. – С. 523-538.
137. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. 336 с.

138. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.

139. Хомякова Е.Г. Антропокогнитивные аспекты ценностной картины мира // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX. – 2017. – С. 86-90.

140. Худанян А.Н. Оценочная категоризация межличностных отношений в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук:10.02.04. – германские языки / Худанян Анаит Нориковна. – Тамбов, 2016. – 182 с.

141. Чжипин Х. Национальная специфика ассоциативной лакунарности в межкультурном взаимодействии (на материале русского и китайского языков): Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. – теория языка / Чжипин Хань. – Благовещенск, 2016. – 184 с.

142. Чистякова Е.В. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: Дис....канд. филол.наук: 10.02.04. – германские языки / Чистякова Елена Владимировна. – Тамбов, 2015. – 221 с.

143. Чистякова Е.В. Ландшафтная лексика как средство интерпретации знаний о человеке в современном английском языке // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н.Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017.– С.274-285.

144. Шарандин А.Л. Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 75-82.

145. Шарандин А.Л. Слово и его формы в аспекте теории интерпретации // Интерпретация мира в языке: коллективная монография /Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017.– С. 185-215.

146. Швецова В.М. Основные направления в изучении вербализованных ассоциаций в лингвистике // Актуальні проблеми філології.– Ивано-Франковск, 2013. – С. 73-76.

147. Шевчик А.В. Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Шевчик Анна Валерьевна. – Томск, 2011. – 24 с.

148. Шемаева Е.В. Концептуальная деривация как когнитивная основа формирования семантики лексикализованных форм множественного числа имени существительного // Известия СГУ. – Саратов, 2013. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 11-14.

Интернет-ресурсы:

1. [http:// www.lex.uz](http://www.lex.uz);
2. [http:// www.dissercat.com](http://www.dissercat.com);
3. [http:// www.dslib.net](http://www.dslib.net);
4. [http:// www.dissforal.com](http://www.dissforal.com);
5. [http:// www.samdu.uz](http://www.samdu.uz);
6. [http:// www.library.ziyonet.uz](http://www.library.ziyonet.uz);
7. [http:// www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru);
8. [http:// www.sciencedirect.com](http://www.sciencedirect.com);
9. [http:// www.ciberleninka.ru](http://www.ciberleninka.ru).